

Всем, кому нравятся романы Кейт Мортон!

Кэтрин Уэбб
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

У Кэтрин Уэбб настоящий дар проникать
в тайны человеческого сердца.

The Peterborough Telegraph

Кэтрин Уэбб
Исчезновение
Серия «Азбука-бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65519441

*Исчезновение: Азбука, Азбука-Антиквус; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-19789-3*

Аннотация

Апрель 1942 года, Бат, Англия. Среди хаоса бомбежек теряется шестилетний Дэви Нойл. Френсис Пэрри, которая должна была за ним приглядывать, мучит чувство вины, и она отказывается верить, что Дэви мертв. И когда наконец наступает затишье и разрушенный город потихоньку начинает возвращаться к обычной жизни, находят останки. Но не Дэви, а маленькой девочки, лучшей подруги Френсис, которая пропала без вести более двадцати лет назад. И пока Френсис продолжает поиски Дэви, это новое открытие возвращает ее в детство и заставляет вернуться к преступлению, которое бросило тень на всю ее жизнь... В этот раз Френсис дает себе клятву раскрыть правду, какой бы страшной она ни была.

Впервые на русском языке!

Содержание

1		7
	Суббота	7
	Воскресенье	19
	1915	63
2		69
	Понедельник	69
	1916–1917	91
3		110
	Вторник	110
	Конец ознакомительного фрагмента.	132

Кэтрин Уэбб

Исчезновение

Katherine Webb

THE DISAPPEARANCE

Copyright © 2019 by Katherine Webb

First published by Orion, a division of The Orion Publishing Group Ltd., London

All rights reserved

© Ю. М. Медведько, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Кэтрин Уэбб – английская писательница, чьи произведения переведены на 26 языков. Дебютный роман Уэбб «Наследие» стал номинантом Национальной литературной премии Великобритании, имел огромный успех и открыл для писательницы двери лучших издательств. Романы «Незримое, или Тайная жизнь Кэт Морли», «Незаконнорожденная», «Девушка из Англии», «Полузабытая песня любви» занимают верхние строчки рейтинга «Sunday Times».

Кэтрин Уэбб родилась в Англии в 1977 году. Ее детство прошло в Хемпшире. Она изучала историю в университете Дарема, жила в Лондоне и Венеции, работала официанткой, помощницей библиотекаря и продавщицей карнавальных костюмов. Сейчас Кэтрин Уэбб живет в тихом коттедже на юге Англии, целиком посвятив себя литературе.

Кэтрин Уэбб обладает редким даром создавать абсолютно достоверный исторический фон и персонажей той эпохи, к которой она обращается в своих книгах... Трогательная история об умении забывать и отпустить свое прошлое, история о любви и искуплении.

The Lancashire Post

Захватывающая, яркая, превосходно написанная книга, которая держит в напряжении с первой до последней страницы.

Amazon

Пытаясь смириться с загадочным исчезновением своей подруги, пропавшей более двадцати лет назад, героиня романа старается жить лишь настоящим... Но когда на Бат начинают падать бомбы, прошлое само врывается в ее жизнь и уводит по тревожной тропе давно похороненных секретов...

Women's Weekly Magazine

Книги Кэтрин Уэбб

Наследие

Незримое, или Тайная жизнь Кэт Морли

Полузабытая песня любви

Незаконнорожденная

Английская девушка

Опускается ночь

Потаенные места

Исчезновение

1

Суббота

1942 г. Первый день бомбардировки

В ту субботу, двадцать пятого апреля, был день рождения Вин. Воспоминания прошлого донимали Френсис весь день; и вечером, после ужина, сидя в доме матери с малышом Дэви, который дремал у нее на коленях, она просто не находила себе места. Судя по времени, уже можно было не рассчитывать, что мать мальчика, Кэрис, придет за ним. Наверняка она решила оставить его с Френсис, что бывало уже не раз. И хотя Дэви был очень худой и маленький для своих шести лет, Френсис изнывала от его близости. Крохотное тельце излучало столько тепла, что Френсис даже вспотела и стала задыхаться. Вдобавок ко всему мать включила радио и сама что-то бормотала себе под нос, пытаясь штопать рубашку при свете настольной лампы. Она наотрез отказывалась включать основное освещение во время режима светомаскировки, хотя отец Френсис позаботился о полной безопасности. Комната начала угнетать Френсис – слишком жарко, слишком тесно, слишком многолюдно...

Френсис заглянула в лицо Дэви, обмякшее во сне. Отметила бледно-сиреневый цвет его век и ощутила знакомый

уже приступ тревоги за него, поскольку он всегда выглядел изнуренным.

– Я хочу выйти подышать свежим воздухом, – сказала Френсис, пытаясь сесть поудобнее, чтобы тело Дэви не так сильно давило ей на бедра.

Сьюзен, мать Френсис, резко вскинула голову.

– Что, сейчас? – спросила она с тревогой. – Да уже скоро спать пора.

– Я не устала.

– А я устала. К тому же, сама понимаешь, Дэви сразу проснется, как только ты шевельнешься, и таблетки не помогут. Ты не можешь уйти и оставить его на меня, а Кэрис наверняка уже не в лучшей форме.

Френсис подавила в себе отчаянное желание немедленно встать и выйти вон. Она с трудом поднялась со стула. Дэви зашевелился, уткнувшись лицом ей в плечо.

– Все хорошо, спи, спи, – прошептала Френсис Дэви на ухо, затем обратилась к матери: – Да, ты права насчет Кэрис. Дэви нельзя сейчас отправлять домой. Я отведу его к Лэндисам. Они еще не скоро лягут спать.

Сьюзен посмотрела на дочь с явным неодобрением:

– Это нехорошо, знаешь ли, пускать его по рукам.

– Да я просто... Я задыхаюсь. Мне нужно глотнуть свежего воздуха.

Они уже подходили к дому Лэндисов, когда Дэви начал извиваться у Френсис в руках, потирая глаза костлявыми кулачками. Сквозь одежду она чувствовала, как поднимаются его тонкие, словно карандаши, ребра, когда он зевал.

– Тише, тише, – успокаивала его Френсис. – Сейчас мы пойдем к мистеру и миссис Лэндис, и ты побудешь у них немного. Как тебе такая идея? Ручаюсь, что миссис Лэндис угостит тебя какао.

Дэви покачал головой.

– Я с тобой, – сказал он очень тихо, как только миссис Лэндис открыла дверь.

Хозяйка уже облачилась в домашний халат, а седые волосы накрутила на бигуди, но когда она увидела, кто пришел, то расплылась в добродушной улыбке. У них с мужем не было собственных детей, и внуков им было не понять.

– Вас это не затруднит? Всего на пару часов? – допытывалась Френсис.

– Да конечно не затруднит! – заверила ее миссис Лэндис. – Заходи, мой ягненочек. Вы можете оставить его хоть на всю ночь, Френсис, это не проблема.

– Спасибо. Он уже поужинал и принял свои лекарства.

– Френсис... – вяло позвал сонный Дэви, но ничего больше так и не сказал.

И все же Френсис поняла, что это был протест.

– Ты умница, – виновато отозвалась она.

Перед тем как дверь закрылась, Френсис успела перехватить взгляд Дэви, который тот отчаянно пытался на ней сфокусировать. Лицо его было бледным и растерянным, под глазами темнели огромные круги. Позже этот последний взгляд, брошенный ей вслед, будет мучить ее, как и то, с какой легкостью она подавила тогда возникшее чувство вины и как просто оставила малыша в чужом доме.

Но это был день рождения Вин, и Френсис нужно было перевести дух. Она поднялась на вершину Бичен-Клифф, утеса, возвышавшегося над Батом, села на скамью и стала глядеть вниз на город, погруженный во тьму. Она даже любила этот режим светомаскировки с его покоем и одиночеством. И если приучить глаза к темноте и не пользоваться фонарем, то никто даже и знать не будет, где ты находишься. Ты становишься невидимкой. И не только Френсис этим пользовалась – она часто слышала в темноте парка приглушенные голоса, осторожные шаги, сдавленное дыхание влюбленных парочек. Френсис нравилось разглядывать темные силуэты предметов на фоне светлого неба и то, что звуки и запахи казались резче. При дневном свете она не улавливала ни мускусной нотки в цвете конского каштана, ни приторной сладости сирени, ни сырого духа, исходившего от травы и земли. Все это отличалось от запахов копоти, каменных мостовых и людей там, внизу, на улицах города. Она

не чувствовала никакой опасности, за исключением, пожалуй, легкой тревоги, которую испытывали все жители городка каждую ночь из-за угрозы налета. Френсис смотрела с утеса на город и представляла, как другие люди проводят свои субботние вечера. Их быт, любовь, споры; их бесконечные разговоры. Это была небольшая передышка – отстраниться от всего этого. Она думала о детях и о том, что делает ребенка ребенком. Иногда во взгляде Дэви появлялось такое же выражение, как и у старика, – усталое смирение перед неизбежностью того, что должно произойти. А ведь ему было всего шесть лет, по годам – определенно ребенок, но каким-то образом он казался старше своих лет. Чем-то он походил на Вин. Френсис присматривала за ним уже два года, с тех пор как вернулась жить к своим родителям. Дэви был совсем крохой, когда его мать, Кэрис Нойл, впервые привела его к Френсис, – жалкий заморыш с расцарапанной раной от блошиного укуса на руке, в грязных полуистлевших шортах, от которого пахло застаревшими нечистотами. Кэрис не желала заботиться о своем последнем ребенке – да собственно, как и об остальных своих детях, а Френсис было трудно отказать ей в помощи. И вскоре разовое одолжение превратилось в постоянную обязанность. Три-четыре раза в неделю Кэрис без всякого предупреждения подкидывала малыша Дэви Френсис, полагая, что лучшего времяпрепровождения для той и быть не может.

Стояла тихая и ясная ночь. Воздух был настолько теплым,

что дыхание не парило. В этот день Вин исполнилось бы тридцать два года, столько же, сколько и Френсис. Каждый год Френсис старалась представить себе Вин взрослой женщиной, состоявшей в браке, имеющей своих детей. Воображала, как бы та могла выглядеть, чем стала бы заниматься, и частенько задавалась вопросом, остались бы они подругами или нет. Френсис хотелось думать, что остались бы, хотя они были совершенно разными, а взрослым дружба дается гораздо сложнее. Теперь она этого никогда не узнает. Вин пропала в августе двадцать четыре года назад, и с тех пор ее никто не видел. Она так и останется в памяти восьмилетним ребенком. И в день ее рождения образ Вин безжалостно преследовал Френсис, заполняя сознание отголосками полузабытых воспоминаний, а боль утраты становилась еще сильнее.

Восточнее замка Шам пролетел самолет, выпустив осветительную ракету. Ярко вспыхнув, она стала медленно падать. Френсис насторожилась, и тут же в городе взвыли сирены воздушной тревоги. Обычно первые самолеты появлялись между одиннадцатью и полуночью, и Френсис поняла, что просидела здесь несколько часов и даже не заметила этого. Теперь ей следовало бежать домой, чтобы вместе с матерью спуститься в подвал и всю ночь мучиться от боли в спине, лежа на жестком шезлонге, и ощущать, как с каждым часом дышать становится все тяжелее. Спать в такой обстановке было невозможно, а игра «Я – шпион» в кромешной темноте перестала забавлять еще несколько месяцев назад.

В общем, перспектива была такой же радужной, как и холодные дождливые выходные. Последнее время Френсис просто перестала реагировать на вой сирен, и не она одна. Много раз – сотни раз – люди прятались по подвалам, но ни одна бомба не упала на город.

Струйки лунного света скользили по Холлоуэй, старейшей улице города, пролежавшей вдоль подножия холма, затем они разливались по крыше часовни Святой Марии Магдалины, освещая крышу соседнего строения – бывшего госпиталя для прокаженных. Само здание лепрозория – узкая каменная коробка – было погружено в темноту, как, впрочем, и все вокруг. И поэтому ничто не указывало на то, что лепрозорий давно заброшен и пустует. При лунном свете можно было разглядеть его неровную, покрытую шершавой черепицей крышу, маленькие готические окна и дымоход. Чтобы заставить себя посмотреть на лепрозорий, Френсис нужно было основательно собраться с духом. Для нее это было сродни дерзновенному подвигу. И уж, совершив его, она не могла отвести взгляд. Вид лепрозория мгновенно переносил ее в детство, и путешествие это было очень болезненным. Вот и сейчас, глядя на него, Френсис не сразу услышала гул приближающихся самолетов – он нарастал медленно, постепенно перекрывая мягкий шелест листвы. Где-то на Линком-Хилл залаяла собака. И когда гул стал достаточно громким, Френсис распознала характерный двухтональный вой немецких пропеллеров, совершенно не похожий на мо-

нотонный рев британских винтов. Все в городе уже научились улавливать эту разницу.

Ночь за ночью, из месяца в месяц жители Бата прятались по подвалам, когда немецкие самолеты пролетали над городом, держа курс на Бристоль, бомбить его доки, причалы и склады. С вершины Бичен-Клифф Френсис часто наблюдала, как там, на западе, небо озарялось разрывами зенитных снарядов, и представляла, как гибнут люди в соседнем городе. Однажды шальная бомба упала возле Бата – то ли сдали нервы у пилота, потерявшего ориентацию, то ли просто экипаж избавился от излишков смертоносного груза, возвращаясь на материк. Тогда сгорел сарай и образовалась огромная воронка, на которую все ходили глазеть. Годом раньше, в Страстную пятницу, просто ради злой забавы какой-то пилот сбросил четыре бомбы, убив одиннадцать человек в Долмитсе. Трудно было представить себе этих молодых немецких летчиков, которые, покрываясь ледяной испариной в своих кабинах, несут с собой смерть и разрушения. Френсис ловила себя на странных мыслях; ей было интересно, какие лакомства любили они в детстве, кем мечтали стать в свои двенадцать лет, каким был у них первый поцелуй – они вспоминали его с наслаждением или, может быть, с отвращением? Френсис должна была ненавидеть их, ведь иное отношение к немцам означало не любить Англию. Так было и раньше – в прошлую войну. Но тогда она сожалела об этой ненависти, а теперь гнушалась ею.

Гул двигателей нарастал. Он приближался с двух сторон – с востока, подбираясь по реке Эйвон, от Бокса, и с юга, заходя со спины. Френсис закурила, тщательно прикрывая ладонью тщедушный огонек от спички и силясь вспомнить, когда же у Дэви появилось это не по годам взрослое выражение лица. Когда его впервые оставили с Френсис, она понятия не имела, что с ним делать. Она принялась чистить морковь под навесом на заднем дворе и практически забыла о нем, вспомнив лишь тогда, когда заметила, что он смотрит на нее, выглядывая из-за дверного косяка. У него были светлые глаза, белокурые волосы и бледная кожа, перепачканная грязью. Тогда его лицо не выражало ни испуга, ни любопытства, скорее оно было полно угрюмой пытливости. Вскоре она поняла природу этой пытливости: он силился отыскать себе что-нибудь поесть. Выражение усталой покорности, должно быть, появилось позже. Френсис не очень-то ладила с детьми, и поначалу она просто не знала, о чем с ним говорить. Она спрашивала: «Ну как, у тебя все в порядке?» Или предлагала: «А знаешь, ты можешь пойти поиграть во дворе». И когда он ничего на это не отвечал, Френсис смущалась и даже сердилась.

Самолеты шли очень низко, так низко, что казалось: стоит только протянуть руку – и можно коснуться их. Черные силуэты заполнили все небо. Такого их количества Френсис еще не видела. В шоке от этого зрелища она выронила сигарету и, зажав уши ладонями, уставилась в небо, где, слов-

но рой гигантских насекомых, ползли самолеты. Звуковая волна давила на грудь и заставляла сердце учащенно биться. Френсис казалось, что самолеты летят так медленно, что вот-вот начнут падать на землю. И вдруг она поняла, почему все происходит не так, как обычно, – самолеты шли не на Бристоль, а на Бат. Мирный и беззащитный Бат. Френсис была настолько ошеломлена, что просто не могла пошевелиться и сидела в полном оцепенении. И тут самолеты начали пикировать. Послышался специфический нарастающий свист падающих зажигательных снарядов, и Френсис увидела, как вспыхнули ярким пламенем один за другим несколько зданий, осветив весь город, перечеркнув все усилия светомаскировки. Затем раздался мощнейший взрыв фугасной бомбы. Последнее, что промелькнуло в голове у Френсис, прежде чем ужасный грохот обрушился со всех сторон, это образ малыша Дэви Нойла, с его белокурыми волосами, точно такими же, как у его тети Вин.

Френсис рухнула со скамейки на влажную траву и съежилась, обхватив руками голову. Ей казалось, что она не может полноценно дышать, в воздухе что-то рвалось и визжало, земля тряслась, и она перестала что-либо понимать. Это был момент животного страха – страха, который заставлял все мышцы дрожать и делал ее слабой и глупой. Френсис однажды уже испытывала подобный страх, но не так долго, как теперь; это случилось, когда она впервые увидела призрака в старом лепрозории. И ее охватил такой же парализу-

ющий страх – словно падаешь с огромной высоты и понимаешь, что жить тебе осталось всего несколько секунд. Френсис вжалась в землю, крепко зажмурилась и до боли стиснула зубы, в то время как самолеты шли волна за волной, пикируя на город и осыпая его бомбами. Казалось, этот кошмар длится уже вечность: рев двигателей, грохот и содрогание земли от мощных взрывов. Запах весенних трав и зазеленевших деревьев поглотила едкая гарь; все вокруг заволкло дымом. И когда Френсис наконец заставила себя открыть глаза, она увидела, что весь Бат был в огне. Горел газовый завод. Пылали и Холлоуэй, и улица, на которой жила Френсис, и улица ее родителей. В панике от ужасного чувства беспомощности Френсис вскочила с земли и с плачем кинулась к лестнице Иакова, крутые ступени которой вели с утеса на Александра-роуд, где жила ее тетя Пэм. Это было ближайшее безопасное, как ей казалось, место, куда она могла добраться. Бросившись вниз по ступеням, Френсис услышала треск пулеметных очередей, и хотя раньше она никогда их не слышала, теперь почему-то сразу выделила из общего грохота. Она пыталась держаться темной стороны, где росли лавровые деревья и кустарники, но огонь пожарища вытеснил ночь. Где-то на середине лестницы Френсис споткнулась, потеряла равновесие и со всего маху врезалась в перила. Падая, она вывихнула лодыжку и так сильно ударилась головой, что перед глазами роем пронеслись белые всполохи. Очередная бомба упала совсем рядом. По мере прибли-

жения к земле ее свист стал напоминать крик банши. Затем раздался взрыв такой чудовищной силы, что на секунду-другую он поглотил все остальные звуки. Это настолько ошеломило Френсис, что она вцепилась в перила, словно они могли как-то защитить ее, и больше уже не двинулась с места. Голова у нее болела так, что казалось, будто она просто раскололась от удара. Френсис вспомнила о матери, представила, как та сидит в своем подвале и дрожит от страха. Подумала об отце, в надежде, что тот успел спрятаться в каком-нибудь общественном бомбоубежище. Потом мелькнула мысль о призраках лепрозория, но в конце концов все мысли отступили перед единственным желанием выжить.

Воскресенье

1942 г. Второй день бомбардировок

Блеклое солнце пробивалось сквозь дымовую завесу. Прищурившись, Френсис посмотрела на небо. В голове у нее стучало, и ощущения были такие, будто она слегка пьяная; мысли двигались со странной медлительностью, как высокие облака в жаркий день. Во время падения Френсис рассекла лоб, и кровь залила все лицо, но она не обращала на это внимания, просто терла ссадину, потому что та сильно зудела. Ее охватило тревожное чувство, будто она забыла что-то очень важное, и события прошлой ночи не укладывались в логическую цепочку, как Френсис ни старалась их упорядочить. Из разговоров людей, которые доносились до ее слуха, она узнала, что после первой атаки наступило короткое затишье, а перед рассветом налет повторился. Френсис же казалось, что бомбардировка продолжалась и продолжалась не переставая, бесконечно. Она очнулась на рассвете на ступеньках, на том самом месте, где упала, и медленно побрела домой.

На улице Магдалины она стала помогать команде гражданской обороны разгребать руины дома, который стоял всего в трех кварталах от места, где жила Френсис со своими родителями. От прямого попадания зажигательной бомбы строение вспыхнуло, как фитиль. Крыша, печная труба и верхний этаж провалились в подвал. Дом превратился в ку-

чу обгоревших головешек, со свистом испускающих струйки пара.

– Френсис, милочка, не стой как истукан! – услышала она голос своего отца Дерек и была так обрадована этому, что совсем не обратила внимания на укоризненный тон.

Чета Хинкли, которая жила здесь еще до рождения Френсис, до сих пор находилась где-то под завалом. Френсис знала, что у стариков на кухне стоял специальный стол под названием «укрытие Моррисона», но она также помнила, что оба они уже впали в детство и не покидали своей постели после предупреждения о воздушной тревоге.

На другой стороне улицы был разрушен целый ряд четырехэтажных строений Георгианской эпохи – Парадиз-Роу, взрыв сровнял их с землей. Зияющая пустота притягивала взгляд – в этом было что-то завораживающее и странное. Френсис могла видеть сквозь образовавшуюся брешь весь Бат – реку, омывающую подножие холма, аббатство и величественные здания Королевского Полумесяца на севере. Отовсюду поднимался дым.

Взяв себя в руки, Френсис приняла от отца кусок разбитой двери и передала пареньку, стоявшему за ней, по цепочке. Они пытались расчистить вход в подвал. В разборе завала участвовало не так уж много женщин; они готовили чай, ходили за водой к часовне Магдалины, где находился запасной резервуар, или просто стояли маленькими группами, вытирая своим детям перепачканные лица, и выглядели совер-

шенно растерянными. Но Френсис была высокого роста, носила брюки, волосы стригла коротко, и люди порой забывали, что она женщина.

– Эти ублюдки стреляли по пожарным, когда те работали, – сказал Дерек, ни к кому конкретно не обращаясь. – Вот вам поганая немчура во всей красе! Не так, что ли?

– Они разбомбили штаб гражданской обороны, – добавил парнишка, что стоял позади Френсис. – Там теперь просто кровавое месиво.

– Кладбище в Олдфилд-парке тоже разворотили, – выкрикнула женщина, резво катившая детскую коляску по направлению к Хэллоуэй. – Трупы разбросаны повсюду! Тех, кого давно схоронили, – я видела их!.. Кости и все такое... – Женщина покачала головой и поспешила дальше, так и не договорив.

– Ну, мы уже не сможем помочь этим ребятам! – неуместно пошутил ей вслед какой-то мужчина.

– Тише! – крикнул спасатель, стоявший на коленях в грудe развалин. Он склонился над обломками и поднял вверх руку, требуя тишины. – Клянусь, я что-то слышал, – добавил он. – Там кто-то стучит!

В толпе зевак послышались жидкие аплодисменты.

– Давайте, парни, поднажмем!

Но когда через пару часов их наконец откопали, то оба Хинксли оказались мертвы. Лицо миссис Хинксли было совершенно белым от известковой пыли, а у ее мужа – черным

от сильного ожога. Узнать их было совершенно невозможно. Френсис таращилась на тела словно в онемении; в ушах у нее пронзительно звенело, и ей казалось, что она до сих пор слышит свист падающих бомб. Ей стало дурно, и она почувствовала, что вот-вот упадет в обморок.

– Френсис! – услышала она окрик матери. – Ох, Френсис, уходи отсюда, милая!

– Так кому нам сообщить об этом? – спросил один из спасателей. – Я про трупы. Кому мы должны доложить? Полиции?

Дерек непонимающе посмотрел на него и растерянно покачал головой.

Френсис закрыла глаза, ей показалось, что она просто моргнула, но когда пришла в себя, то обнаружила, что сидит на кухне у себя дома и мать мокрым полотенцем обтирает ей рану на голове.

– Ты можешь поверить? – говорила мать. – Френсис всю ночь провела на улице!

В окнах были выбиты стекла, входная дверь отсутствовала, и по комнате гулял легкий сквозняк. От дверного косяка до потолка зияла трещина. Видно было, что пол уже подметали, но пыль снова покрыла весь линолеум. Дефекты были незначительные, но они почему-то тревожили, как в странном сне.

– С передовой, так, что ли, Френсис? – раздался голос тети Пэм.

– Пэм? – заметила ее Френсис. – Ты-то как, в порядке?

Пэм бросила на нее насмешливый взгляд, и Френсис почувствовала радостное облегчение, удостоверившись, что с тетей все хорошо.

– Я-то? Естественно, в порядке. Потребуется нечто более серьезное, чем несколько фейерверков, чтобы меня прикончить.

Густые седые волосы Пэм были связаны на затылке желтым шарфом, а куртка перемазана сажей. Френсис опустила взгляд и увидела жесткошерстную дворняжку по кличке Пес, не проявлявшую никаких признаков беспокойства.

– Он тоже в норме. Хотя слышали бы вы, как он выл, когда сыпались бомбы! – сказала Пэм, коротко усмехнувшись.

– Я направлялась к тебе... – заговорила Френсис, наморщив лоб и пытаясь упорядочить мысли. – Я так думаю. Спускалась по лестнице Иакова и упала...

– А какого черта ты делала на утесе в такое время? Вот что я хотела бы знать, а? – спросила Сьюзен. – Ты сказала: «Воздухом подышать».

Пэм устало посмотрела на Сьюзен.

– Да ничего особенного, – ответила Френсис. Она не осмелилась напомнить им, что был день рождения Вин, потому что мать и так была взвинчена. – Просто сидела и думала. Наслаждалась тишиной и покоем.

Мать пренебрежительно фыркнула.

– Ну что ж, вершина утеса – подходящее место для это-

го, – отозвалась Пэм.

– Пожалуйста, не потакай ей, Пэм, – резко парировала Сьюзен. – Она же могла погибнуть!

– Потакать? Френсис взрослая женщина, Сью. Думаешь, остальные люди, находясь в этих зданиях из кирпича и бетона, были в большей безопасности? Я вот слышала, что в убежище, которое напротив кинотеатра на Шафтсбери-роуд, было прямое попадание и все, кто там был, погибли. Семнадцать человек.

– Пэм! – в ужасе воскликнула Сьюзен.

Она побледнела и выглядела крайне испуганной. На некоторое время женщины замолчали. Снаружи доносились звуки капающей воды, крики людей и рокот генераторного насоса. Пахло гарью и мокрым пеплом. Пес едва слышно зарычал, затем вздохнул и лег в ногах у Пэм. Он был черно-белого окраса, со слишком короткими для его тела лапами и хвостом шотландской овчарки, развевающимся, как флаг, – плод внеплановой вязки на ферме «Топкомб». Френсис принесла его Пэм, когда у той умер ее старый фокстерьер, и поначалу он ей не понравился, она даже не стала придумывать ему кличку. «Это просто Пес», – сказала она, так и закрепилось. Это было еще во время замужества Френсис. Тогда она была женой фермера, не то что сейчас – великовозрастная кукушка, вернувшаяся в родительское гнездо.

Френсис окинула взглядом хорошо знакомую кухню с ее хлипкими шкафчиками, столом, покрытым жестью, и древ-

ней-предревней плитой. Ни электричества, ни газа, ни воды. На забытой сковороде сиротливо лежали три ломтика хлеба. Часы упали со стены на стол и превратились в кучку обломков. Циферблат без стрелок выглядел как перепуганная человеческая физиономия.

– Говорят, они вернутся, – сказала Сьюзен. Ее голос выдавал неподдельный страх, лицо было напряжено, глаза лихорадочно блестели.

От мокрого полотенца, которым мать вытирала Френсис голову, рана вновь открылась и заболела. Вода в миске стала розовой. Френсис закрыла глаза, ее по-прежнему не покидало ощущение, что она забыла что-то сделать. Это сводило ее с ума.

– Они прилетят сегодня ночью, – продолжила Сьюзен, – и все повторится. Нужно убираться из города – людей уже эвакуируют из центров временного размещения, сажают в автобусы и увозят. Мы поедем сразу, как только Дерек освободится. Марджери говорит, что людей размещают в баптистской церкви. Никто из нас здесь не останется, чтобы снова пережить весь этот ужас.

– Я никуда не поеду, – сказала Пэм, пожимая плечами. – Да провалиться мне на этом месте, если я позволю кучке молокососов, у которых даже еще волосы на груди не выросли, выжить меня из собственного дома.

Сьюзен бросила на нее скептический взгляд:

– Ты что, тоже крепко ударилась головой? Это не игра,

Пэм, – они хотят всех нас тут похоронить. Это сумасшествие – оставаться здесь. И ты, Френсис, больше не будешь шляться по ночам, где тебе вздумается. Знаешь, люди говорят... Бог знает, чем она там занимается, – вот что говорят о тебе.

Френсис собралась с духом, чтобы ответить, но заметила, что руки у матери трясутся. Она запустила пальцы меж дрожащих пальцев матери и на мгновение сжала.

– Да все нормально, мам, – сказала она ласково. – Не волнуйся.

– Ничего не нормально! Если я потеряю тебя... – Сьюзен тряхнула головой, прерывисто вздохнула и заправила прядь светло-пепельных волос за ухо. – Френсис, если я потеряю тебя... – Не договорив, она бросила полотенце в миску и поставила ее на стол.

Френсис снова попыталась сосредоточиться, но головная боль делала мыслительный процесс совершенно невозможным. Перед глазами у нее все поплыло, и она вновь, как наяву, увидела ночное небо, освещенное оранжевым пламенем пожарищ и кишашее огромными черными мухами. Бомбы визжали, как раненные животные, и какие-то руки тянулись к ней. Вздвогнув, Френсис очнулась – в кухню, еле волоча ноги от усталости, вошел отец.

– Дерек! Да ты всю грязь с улиц притащил! – воскликнула Сьюзен, сокрушаясь из-за оставленных мужем следов, а также кусков штукатурки и хлопьев пепла, которые сыпались с его униформы патрульного Отряда противовоздуш-

ной обороны.

Дерек устало посмотрел на жену:

– Сьюзен, дорогая, если я вот прямо сейчас не выпью чая, ты сделаешься вдовой.

Френсис встала и открыла кран, чтобы наполнить чайник, забыв, что воду отключили и газовая плита не работает.

– Вон, вода в ведре, – показала Сьюзен. – Пока придется носить ее из бака, я так понимаю.

– Ну, это не так уж и далеко, – рассеянно отозвалась Френсис, шаря по карманам в поисках спичек и не находя их. Она хотела развести огонь, но, очевидно, спички остались где-то там – на лестнице Иакова. А ведь было что-то еще – что-то ею потерянное.

– Ты уже отдежурил, да? Мы можем уехать? – спросила Сьюзен.

Дерек покачал головой:

– Что значит «отдежурил»? Нет, милая, уехать я не могу. В конце концов, нас для этого и готовили. Вы берите, что сможете унести, и поезжайте. Я позабочусь о доме, а потом пойду на Беар-Флэт, буду помогать охранять банк от мародеров. Там такая дыра, что пролезет Али-Баба и все его сорок разбойников, а...

– Беар-Флэт? Так... надолго?

– Не знаю, родная.

– Да сядь ты, пока не свалился, Дерек! – сказала Пэм, подхватывая брата под руку.

Дерек закивал, соглашаясь.

– Но они же вернуться! Они скоро вернуться! – заплакала Сьюзен.

– К этому времени вы все уже будете далеко, – сказал Дерек.

– Только не я, – поправила Пэм.

– А как же ты, папа? – спросила Френсис.

– Не волнуйся, я найду себе убежище, но уехать сейчас я просто не могу. Я действительно нужен здесь. Кстати, как твоя голова?

– Я думаю, все нормально, – рассеянно ответила Френсис.

– Нам всем просто очень повезло. А вот бедолагам Хинкли и тем, с холма в Спрингфилде... – Дерек сокрушенно покачал головой.

Френсис похолодела. Она попыталась обратиться к отцу, но слова замерли у нее на языке.

– Что? – наконец выдавила она еле слышно.

– В каком смысле «что»? – переспросила Пэм.

– Ох... – выдохнула Френсис, когда в голове у нее с ужасающей внезапностью все прояснилось. Теперь она точно знала, о чем забыла. – Дэви...

– Что? Ой! Нет... – всполошилась Сьюзен.

– Я оставила его у Лэндисов! – закричала Френсис и бросилась из дома, не обращая внимания на окрики родных.

От быстрого движения голову пронзила резкая боль, к горлу подступила тошнота, и все ее существо охватил ужас

оттого, что она могла забыть про него, даже не спросила... С ее глаз наконец-то спала магическая пелена, и впервые за день она осознала весь кошмар происходящего. Трупы людей вокруг, разрушенные дома, все больше и больше. Она бежала изо всех сил и уже почти задыхалась, когда из-за холма, там, где Холлоуэй делала поворот и уходила на юг, показался Спрингфилд. Вернее, то, что от него осталось. Френсис перешла на шаг, охваченная дурными предчувствиями.

Не было ни дыма, ни обуглившихся балок или почерневших камней. Ближайшие дома, там, где жили Лэндисы, просто сложились, словно карточные домики. Вместо крыш повсюду торчали стропила, похожие на переломанные кости. Дальше таких разрушений не было, но это уже не волновало Френсис. Она остановилась, ощущая, как дрожь охватывает ее тело. Дом, где она оставила Дэви, был полностью уничтожен. Ошеломленная, она стояла, глядя на руины, пока возле нее не остановился мужчина из команды гражданской обороны и не поинтересовался, все ли с ней в порядке. Его морщинистое лицо было покрыто копотью.

– Ты что, знала их? – спросил он.

– Где они сейчас? – машинально произнесла Френсис.

– Понятия не имею, дорогая, ты уж прости. Я слышал, что церковные склепы хотели использовать под морг, но кто знает... Они же были в подвале, мистер и миссис Лэндис, так ведь? Бомбежку пережили, все в порядке, даже переговаривались со спасателями какое-то время. А потом трубу про-

рвало, и вода затопила подвал... их не успели вытащить. Жестокий поворот судьбы, иначе не скажешь. Беда... – заключил мужчина и предложил Френсис закурить.

Сигарета прыгала у нее в руке, когда спасатель поднес спичку. Зажмурив глаза, Френсис постаралась успокоиться. Стоит ли выяснять все обстоятельства? Выпытывать подробности? Нужна ли ей ясная и полная картина произошедшего? И она решила, что лучше узнать сейчас, чем потом домысливать самой, хотя еще не находила в себе силы задавать вопросы. Ее знобило, и ноги стали ватными. Она должна была заботиться о Дэви. Должна была оберегать его. А вместо этого она бросила его и отправилась на утес, чтобы сидеть там в темноте один на один со своими мыслями. Дэви так хотел, чтобы она осталась с ним...

– А маленький мальчик? – прошептала Френсис.

– Что-что?..

– Маленький мальчик... был в подвале вместе с Лэндисами? Он тоже утонул?

– Я знаю только, что достали два мертвых тела, – ответил спасатель. – Ты хочешь сказать, что их было трое?

– Что? – Френсис резко повернулась к мужчине, сердце ее стучало. Она схватила его за рукав и закричала: – С ними был маленький мальчик – Дэвид Нойл! Его нашли? Он жив? Он совсем маленький – всего шесть лет!

– Спокойно, – одернул ее мужчина и в задумчивости потер подбородок. – Держи себя в руках. Команда спасате-

лей отправилась в Хейсфил-парк, кажется. Пошли со мной, спросим у них.

* * *

Солнце уже садилось, когда команда спасателей решила остановить поисковые работы. У Френсис ныла спина, руки были в царапинах и синяках. Они очистили затопленный подвал, насколько это было возможно, укрепляя стены деревянными распорками и стойками. На металлической решетке висело розовое стеганое одеяло миссис Лэндис, запачканное грязью. Френсис старалась помочь, чем могла, несмотря на то что спасатели все время пытались прогнать ее с развалин, чтобы она не мешала им. Каменные стены дома были полностью разрушены взрывом, и все вокруг покрыто белой пылью. Время от времени Френсис казалось, что она видит что-то знакомое в этом жутком белом месиве: руку или ладонь, прядь волос, маленький ботиночек. У нее сводило живот, но всякий раз оказывалось, что это не Дэви. Никаких следов присутствия мальчика они не нашли, и хотя в голове у Френсис все еще шумело и это мешало ей здраво мыслить, она начала надеяться.

Спасатели сложили свои инструменты и собрались уже уходить, когда один из них подошел к Френсис и похлопал ее по плечу.

– Если бомба угодила прямо в него, то что там могло

остаться? – мягко сказал он.

– Но... Лэндисы были живы после взрыва. Они спустились в подвал, и если Дэви был с ними, то они взяли бы его с собой. Мы должны продолжать поиски – он может быть еще там... и возможно, он еще жив!

– Нет, милая, не мог он выжить, – ответил спасатель. – Там никого нет.

– Тогда он мог... он сам мог выбраться оттуда, ведь мог? После взрыва. Или даже перед взрывом. Он мог сбежать. Должно быть, он сильно перепугался, когда это началось. – Френсис едва не разрыдалась от собственных слов.

– Я слышала, что одного ребенка выбросило из убежища, там, на Стозерт-авеню, – встряла женщина, стоявшая рядом с Френсис. Волосы у нее были в пыли, и все тело ее безудержно тряслось. – Только он и выжил, а все, кто остался в убежище, погибли.

– Иногда у него бывают припадки... и он забывает, где он и что делает, – забормотала Френсис, уставившись на руины, словно пытаясь разглядеть там маленького мальчика. – Если он испугался, то мог побежать домой... или стал искать меня. Разве не так? Он может быть совершенно в другом месте!

– Правильно, все может быть, – сказал спасатель успокаивающим тоном, и Френсис это насторожило.

– Так что же мне делать? Заявить о его исчезновении?

– Мы отметим это в нашем отчете, – заверил ее спасатель. – Вы сказали, его зовут Дэвид Нойл?

– Дэвид, да...

– Вы правы. Я бы на вашем месте начал с его домашнего адреса. Затем, когда все поутихнет, проверил бы госпитали и, может быть, центры временного размещения. Если его выбросило взрывной волной, то, возможно, кто-нибудь подобрал его и отвез туда. Но сейчас вам лучше покинуть город, я не думаю, что нас ждет спокойная ночь.

– Я не могу сейчас уйти, – выпалила Френсис, но в то же мгновение ей вспомнились вой падающих бомб, рев разбушевавшегося пожара, пожирающего своим пламенем ночь, и от страха у нее вновь скрутило живот. Она попыталась не обращать на это внимания.

– Ну как знаете, – отмахнулся спасатель, потеряв терпение.

Френсис еще некоторое время не двигалась с места, парализованная мыслью, что она потеряла Дэви и что, возможно, стала причиной его смерти. Вскоре после того, как Кэрис впервые привела его к Френсис, Дэви стал сам появляться в ее доме – то приходил и молчком стоял у задней двери, то поджидал на крыльце, когда она вернется с работы. Она всегда давала ему стакан молока или булочку, и потом он, как бродячий кот, пропадал, но всегда возвращался. Она быстро привыкла к его еле заметному и практически безмолвному присутствию в то время, когда она то стирала, то чистила картошку, а то и просто сидела на крыльце под конец дня и курила. Для нее стало сюрпризом, что очень скоро она са-

ма стала приглядывать за ним, перестав обращать внимание на то, что частенько дурной запах предвосхищал его появление. Мать сказала ей, что с Кэрис следует брать деньги за присмотр.

– Если бы у Кэрис были деньги, она не нуждалась бы в моей помощи, – ответила тогда Френсис.

– Деньги у нее были бы, если бы она не пила как лошадь. И я не понимаю, зачем нам лишний рот, – беззлобно парировала Сьюзен. – Как-то же она управлялась с другими своими детьми, а? Это потому, что он дурачок, а она ленивая до мозга костей. Вот и все дела.

– С какими другими она управлялась? Малютка Дениз до сих пор живет с Оуэном и Мэгги, забыла? И Дэви вовсе не дурачок, – возразила Френсис.

На что мать только насмешливо фыркнула. Она могла ворчать, могла жаловаться, но бутерброда с джемом для Дэви никогда не жалела.

Френсис казалось, что Дэви был особенным, но не слабоумным. Слишком маленький и тощий для своих лет; уши чересчур велики для крохотной головки, да к тому же торчали, как ручки призового кубка. Его так и дразнили сверстники – кубок. Говорил он мало, всегда рассеянный. Его внимание не переключалось на что-то новое и интересное, как у большинства людей, наоборот, ему, судя по всему, нравилось вообще ни на чем не сосредотачиваться. С тех пор как ему пропи-сали фенобарбитал, припадки у него практически прекрати-

лись. Отец Дэви оплачивал доктору необходимое количество препарата на три месяца вперед, так что потратить эти деньги на что-то другое соблазна у него не было. Припадки различались по степени тяжести: от кратковременного помутнения сознания – при этом тело его продолжало двигаться, а очнувшись, он бывал лишь слегка озадачен и напуган – и до внезапных страшных конвульсий и полного беспомощства. Последнее напугало Френсис до смерти, когда она впервые с этим столкнулась. Но прием препарата предотвращал припадки; правда, Дэви слабел и впадал в сонливое состояние, поэтому максимальную дозу он принимал перед сном.

Однажды солнечным днем, пораньше, Френсис согрела воды в большом котле, вынесла во двор ванну, плеснула воды и подозвала Дэви. К тому времени он уже привык к ней и позволил снять с себя грязную одежду, а потом и погрузить в ароматную пену. Он думал, что это такая игра. Френсис воспользовалась случаем, чтобы наконец-то вымыть его с головы до ног, а он все время смеялся и плескался, и к концу она сама вымокла до нитки. Тогда она впервые услышала его смех. Потом Френсис выстирала его одежонку, и, пока она сохла на теплой черепичной крыше летней кухни, Дэви бродил голышом по двору и был занят игрой с прутиками и камешками, смысла которой Френсис так и не постигла. Он был настолько худой, что можно было сосчитать все его ребра и позвонки, а ручки, похожие на спички, слегка напомнили ей руки Вин. Кэрис потом устроила ей хорошую взбучку,

так как усмотрела в купании ее ребенка упрек в свой адрес, но это стоило того, чтобы видеть Дэви таким веселым.

Вспоминая все это, Френсис почувствовала себя совершенно опустошенной. Она добрела до Бичен-Клифф-Плейс и теперь стояла перед домом Кэрис Нойл под номером тридцать три и не находила в себе смелости подойти к двери. Пока она была снаружи, у нее все еще теплилась надежда, что Дэви сбежал после взрыва домой и что ей не придется сообщать его матери, что он пропал. Она стояла, ощущая, как в гортани отдается пульс ее сердца. Местечко Бичен-Клифф представляло собой узкую улочку примыкающих друг к другу типовых домов, выходящую к подножию холма на Холлоуэй, где застройка отличалась причудливым хитросплетением. Стены Бичен-Клифф почернели от копоти, испещренной струйками воды, которые стекали с подоконников и желобов. Оконные рамы прогнили, печные трубы растрескались, а крыши поросли сорняком. Палисадники были заставлены мусорными баками и завалены ломаной утварью. Общий задний двор вдоль и поперек пересекали бельевые веревки, там же стояли три уборные и прачечная. Здесь всегда было сыро – вода ручьями бежала с утеса, пробивая себе путь к реке. Даже крысы, копошащиеся возле мусорных баков, были мокрыми, их шерсть потемнела и слиплась от влаги.

Френсис почувствовала, что у нее пересохло во рту. Наконец, пересилив себя, она постучала. Дверь открыл Фред

Нойл – старший брат Дэви. На голове у него был противогаз. Фреду было двенадцать – костлявый, угловатый, несуразный. Волосы такие же темные, как и у матери. Сквозь стекла противогаза Френсис видела его глаза, горящие неистовыми желаниями, – юношеская жажда перемен и разрушений.

– Мама во дворе, – послышался его приглушенный голос. – Я пошел за гусаком.

Он протиснулся мимо Френсис на крыльцо, натягивая на лоб кепку.

– погоди, Фред, – остановила его Френсис. – Твой младший брат здесь?

– Дэви? Нет, – покачал головой Фред. – Разве он не с тобой?

– Нет, – с трудом ответила Френсис вслед удаляющемуся парню.

На ватных ногах она пошла на задний двор. Кэрис сдерживала с веревок развешанное белье и швыряла в кучу прямо на землю. Она бросила взгляд на приближающуюся Френсис и без всяких приветствий сказала:

– Все придется перестирывать. Проклятая пыль. Будто я мало здесь горбачусь. – При этом она раздраженно смахнула со лба прядь седеющих волос.

Она так и осталась Кэрис Хьюз с тех пор, как Френсис впервые увидела ее – старшую сестру Вин. Брюнетка от рождения, у нее были лоснящиеся волосы цвета черной патоки, смуглая гладкая кожа и румянец на щеках. В свои шесть лет

Френсис считала ее такой же прекрасной, как Белоснежка. Сейчас, от постоянного пьянства, у нее полопались капилляры на щеках и на носу, глубокие морщины пролегли между бровями и сковали уголки рта, отчего с лица не сходило угрюмое выражение. Кэрис было всего сорок два, но выглядела она лет на десять старше.

– Вот, держи, – буркнула Кэрис, протянув Френсис пакет с прищепками. – Я так понимаю, пришла сбагрить Дэви, так? Давай расскажи мне, как ты теперь занята со всей этой чертовщиной... – И она махнула в сторону дымящегося города. – Чушь собачья, – заключила Кэрис, бросив на Френсис свирепый взгляд.

– Кэрис, я... – начала Френсис, но остановилась, сглотнув с большим усилием.

Не было никакого легкого способа сказать то, что она должна была сказать, не было никакой возможности избежать объяснений, даже просто смягчить разговор было невозможно. Какое-то время Френсис вообще сомневалась, что сможет выдать эти слова. Она проклинала себя за то, что взялась присматривать за Дэви и тем самым обрекла себя на такую страшную неудачу – именно это нестерпимое чувство несостоятельности лишало ее желания иметь собственных детей. Их уязвимость приводила ее в ужас. Однако, разрушив свой брак отказом иметь детей, она каким-то образом – совершенно непреднамеренно – оказалась с ребенком, о котором нужно заботиться, которого надо любить. Она не

хотела этого, все это ей было не нужно. Страшная боль сковала ее голову.

– Кэрис, мне так жаль. Прошлой ночью я отвела его к Лэндисам. Мне нужно было отлучиться, и я отвела его в Спрингфилд.

Кэрис обернулась к Френсис, сжав в кулаке грязную рубашку так сильно, что побелели костяшки пальцев. Френсис судорожно вздохнула и продолжила:

– Они... Они погибли. Лэндисы. Их дом разрушен, а... Дэвида нигде нет. Я заставляла искать... Я заставила докопаться до самого фундамента...

Френсис замолчала, но Кэрис тоже ничего не говорила. Она двинулась на Френсис и подошла так близко, что та ощутила смрад джина, который исходил не столько от ее дыхания, сколько из каждой поры ее проспиртованного тела. Странный, лихорадочный жар исходила ее кожа. И хотя Френсис была ростом выше на целую голову, она почувствовала себя маленькой.

– Ну и где же он тогда? – наконец спросила Кэрис, и в голосе ее послышался отголосок внутреннего страха.

– Я не знаю.

– Ты же с ним нянчилась. Куда он делся? – процедила Кэрис сквозь стиснутые зубы.

– Мне нужно было отлучиться! – залепетала Френсис. – Он... Ему должно было понравиться у Лэндисов. Я не могла знать, что будет налет. Мне жаль, Кэрис... Мне очень жаль.

Я найду его. Я не остановлюсь, пока не отыщу его, я обещаю, и...

– Ты должна была смотреть за ним! – закричала Кэрис и так толкнула Френсис, что та отшатнулась, едва не упав. – Он что, погиб? Ты это хочешь сказать?

– Нет! То есть я... Я не знаю. Но я не думаю... Мы искали, искали, но не было никаких его следов – ничего вообще! Я думаю, он убежал, а потом потерялся. Ведь так же, так?

– Думаешь, да? Не знаешь, да? – Кэрис замотала головой, словно помогала себе подобрать слова, затем последовала пауза. – Я... Ты... Ты всегда само чертово совершенство, да? – заговорила она наконец, задыхаясь. – Упрекаешь меня, что я не могу позаботиться о своих выродках. А теперь вот ты куда-то ушла и одного потеряла, так просто! Потому что тебе, видите ли, «надо было отлучиться». И какая же причина? Завела нового мужика?

– Нет! Я... – Френсис тяжело вздохнула и продолжила: – Ты же знаешь, какой день был вчера. Я имею в виду... Я просто хотела немного побыть одна. Мне было нужно...

– Да что за день? О чем это ты?

– Так... День рождения Вин. Вчера был день рождения Вин, ты же прекрасно знаешь.

Исчезновение Вин стало переломным моментом в судьбе Френсис; тогда ее жизнь разделилась на то, что было до, и то, что стало после. Порой она забывала, что такое случилось далеко не со всеми, кто знал Вин. Хотя она полагала, что Кэ-

рис должна была помнить день рождения своей сестры, так как именно она, будучи десятилетней девчонкой, принимала роды у матери прямо на кухонном полу. По кривой ухмылке Кэрис Френсис поняла, что дата ей ни о чем не говорила. Но теперь она еще больше ожесточилась, а лицо заметно потемнело.

– И это твое оправдание? Что ты продолжаешь киснуть из-за того, что случилось сто лет тому назад?

– Нет, это не оправдание. Просто я... – Френсис замялась, не зная, что сказать.

Кэрис свирепо вытаращилась на нее. Она была настолько зла, что какое-то мгновение не могла членораздельно говорить.

– Ты же знаешь Дэви, – виновато продолжила Френсис. – Он постоянно теряется. А теперь весь город выглядит совсем по-другому... Я думаю, он просто заблудился, вот и все.

Что-то промелькнуло в глазах Кэрис, но Френсис не успела понять, был ли это проблеск надежды, или же отголосок боли, чувства вины, или нечто совсем другое. Длилось это недолго – затем гнев ее вспыхнул с новой силой.

– Моли Бога, чтобы так оно и было, – сказала Кэрис. – И лучше не появляйся здесь без него, или я... – Кэрис замотала головой, плечи ее поникли. – Приведи его, слышишь?.. – забормотала она, покачиваясь. Затем уронила лицо в ладони и зарыдала.

Френсис, совершенно потрясенная, беспомощно устави-

лась на нее.

– Мне так жаль, Кэрис, – наконец заговорила она и, протянув руку, подалась к Кэрис, но та тут же подняла голову – взгляд ее не предвещал ничего, кроме угрозы.

– Убирайся с глаз моих долой! Иди и найди его! – свирепо процедила Кэрис.

Френсис отшатнулась и бросилась вон.

Когда она выскочила со двора, на крыльце соседнего дома номер тридцать четыре появилась Нора Хьюз, мать Кэрис и Вин. Неуклюжей походкой, тяжело переваливаясь (у нее был артрит), она двинулась навстречу Френсис.

– Как ты, Френсис? – спросила Нора, изобразив на лице присущую только ей невыразительную улыбку. – Ну и дела творятся, правда? Несколько домов в Долмитсе полностью разрушены. Слава богу, дом Оуэна невредим.

Френсис вздрогнула, что всегда бывало с ней при упоминании Оуэна, и молча кивнула. Приостановившись, она поняла, что не сможет сейчас разговаривать с бабушкой Дэви, и двинулась дальше.

– У тебя все в порядке? Как твои родные? – слышалось ей вслед.

– Да, все хорошо. Спасибо. Мне... мне кажется, Кэрис вас ждет, – забормотала Френсис, презирая себя за трусость.

Лицо миссис Хьюз вытянулось, и в это время в дверях появился мистер Хьюз, как обычно – грозный и непроницаемый. Френсис старалась не встречаться с ним взглядом. И

теперь она ощутила нестерпимый стыд – ее вина была так велика, что о прощении не могло быть и речи. Ноги едва держали ее. Обескураженная, она вдруг осознала, что знакома с этим чувством, она испытывала его и раньше. Тротуар поплыл перед глазами, и вместо серой плитки и щебня она увидела детские ножки в пыльных ботиночках, удаляющуюся узкую спину и длинный хвостик белокурых волос, сияющих на солнце. «Вин», – прошептала Френсис, но только она моргнула, как серый тротуар обрел твердые очертания, а мать Вин все еще стояла и с тревогой смотрела на нее. Нора Хьюз по-прежнему была уверена, что ее дочь жива, но она была одинока в своем убеждении. И хотя не было ни тела, ни могилы, все, включая Френсис, знали, что Вин мертва. Был даже пойман человек, которого судили за ее убийство, а потом повесили.

Френсис поспешила назад в Спрингфилд, на случай если Дэви вновь там появится. Она просто не знала, куда еще пойти или что еще сделать. В городе повсюду царил хаос, и у нее в голове тоже. Ступни словно налились свинцом. На Холлоуэй земля качнулась у Френсис под ногами, она зашаталась и остановилась.

– Что с вами, дорогуша? – слышался незнакомый голос, и чья-то рука сжала ее руку. – Вы сегодня что-нибудь ели, а? Думаю, это легко исправить. Где ваш дом? Давайте-ка сядьте вот здесь.

Френсис вдруг показалось, что все это происходит где-то

очень далеко. Перед глазами все закружилось. Она зажмурилась, и перед ней возникло бледное личико Дэви, точно такое, каким она видела его в последний раз. До ее слуха донеслось его бормотание: «Я с тобой». Ей нужно было взять его с собой, но она оставила его, и теперь единственной надеждой было, что он заблудился и сейчас находится где-то с незнакомыми людьми или же бродит совершенно один. В прошлом году на его день рождения она устроила для него первую в его жизни настоящую праздничную вечеринку – с бисквитным тортом «Виктория», а в качестве подарка была игрушка «Йо-Йо» и коробочка шербета. Дэви был потрясен, хотя так до конца и не понял, для чего это все, несмотря на все ее объяснения. Недель через шесть ему должно исполниться семь лет. В этот раз она хотела подарить ему рогатку, чтобы он смог защитить себя от нападений своих сверстников. Мысль о том, что за всю его короткую жизнь он всего лишь один раз по-настоящему праздновал свой день рождения, вызвала в ней почти физическую боль, которая разлилась по всему телу.

* * *

Сьюзен Эллиот так хлопнула ладонью по столу, что стол зашатался на своих хлипких ножках, а стоявшая на нем чашка чая подпрыгнула. Френсис подняла на Сьюзен взгляд, полный ужаса.

– У нас есть аспирин? – спросила она. – У меня голова раскалывается.

– Что значит «ты не идешь»? Ты пойдешь! Скоро стемнеет, и они вернутся! Ты сейчас же отправишься наверх, соберешь все необходимые вещи – и мы уходим!

Сьюзен возбужденно и шумно дышала носом, ожидая ответа дочери. Френсис тяжело вздохнула и встала на ноги. Она была выше и крупнее своей матери. Они были совсем разные. Волосы и ногти у Сьюзен всегда были чистыми и опрятными, и она никогда не показывалась на людях, не подкрасив губы.

– Давай, Френсис, шевелись, – подгоняла мать.

– Как я могу уйти, когда Дэви где-то бродит... совсем один?

– Да откуда ты знаешь, что он куда-то ушел? Скорее всего, он... Он уже мертв. Так... Такое случается! Люди погибают!

– Нет! То есть... Есть большая вероятность, что он жив. И он, скорее всего, пойдет домой, ведь так? Если он заблудился, то попытается вернуться домой и найти меня...

– Я понимаю, тебе хочется так думать, Френсис... Но в любом случае он не твой! Понимаешь? Он не твой сын, и это не его дом.

– Да какое это имеет значение, мам? Я не должна была отпускать его от себя! И если бы я не отдала его, он не пропал бы. Я обещала Кэрис, что найду его.

– А вот этого, пожалуй, делать не стоило. И вообще, Дэ-

ви меня волнует намного меньше, чем ты. Потому что именно *ты* моя дочь. Ты едва держалась на ногах, когда добрые люди привели тебя домой. А сейчас ступай наверх и собери свои вещи. Я уже упаковала письма твоего брата и документы. Возьми что-нибудь из одежды, расческу, ну и все такое. Да, естественно, тебе захочется что-нибудь почитать, книгу, там... – Сьюзен, чтобы не смотреть на дочь, старательно расставляла стулья вокруг стола.

– Мама, пожалуйста. Я не могу уйти.

Френсис вспомнила падающие бомбы и все безумие прошедшей ночи, пожарища и оглушительный грохот. Сама мысль, что все это повторится, была ужасной; надвигающаяся ночь перекликалась с ее детскими кошмарами, и желание спрятаться, убежать было очень сильным, но Френсис сознавала, что если поддастся этому желанию, то потом не простит себе этого. Она подошла к лестнице, ступени которой были завалены фрагментами обвалившегося потолка – штукатурки, извести и обломков обрешетки.

– Я соберу вещи и останусь на ночь у Пэм, – сказала она, тоже не глядя на мать. – Проверю места, где мог бы появиться Дэви. Как только найду его, мы уйдем в Сауз-Стоук.

На кухне повисло грозное молчание.

Позже, выходя из дома, Френсис немного задержалась на крыльце. По Холлоуэй в полном молчании двигался поток людей. Они несли на руках своих детей, тащили чемоданы, узлы с одеждой и одеялами, некоторые с трудом толкали

вверх по склону нагруженные детские коляски и ручные тележки. Старики и дети, мужчины и женщины – поникшие лица, взъерошенные волосы. Странная безмолвная процессия испуганных, потерявших кров людей, бредущих вон из города. На Калтон-роуд Френсис миновала огромную воронку, в которой какая-то небольшая компания затеяла воскресный пикник. Их бурное веселье, как показалось Френсис, граничило с безумием. Две женщины чистили картошку и бросали ее в кастрюлю, установленную на жаровне, пока их дети бегали по развалинам, а какая-то старуха жарила кролика на импровизированном вертеле. Армия спасения развозила на тележке горячий чай; и все улыбались, стоя среди обломков своих домов.

– Фрицы нас не сломят, – вещал какой-то мужчина репортеру. – Пусть Гитлер знает, что жители Бата выкованы из железа.

В уголках рта этого смельчака скопилась засохшая слюна вперемешку с пеплом, и взгляд у него был блаженный. Глядя на происходящее вокруг, Френсис размышляла: а что будет после того, как этот необъяснимый восторг иссякнет и для людей, потерявших все свое имущество, наступит еще один день, не предвещающий ничего, кроме изнурительного труда и забот? Ей с трудом верилось, что все когда-нибудь наладится.

Пэм жила в коттедже под названием «Вудлэндс», который располагался прямо на склоне Бичен-Клифф, непода-

леку от Александра-роуд. Подъездного пути к коттеджу не было, только крутая каменная лестница со ступенями, поросшими мхом и колокольчиками. С нее открывался широкий вид на северную часть Бата. Сквозь дымовую завесу был хорошо виден почерневший купол церкви Святого Андрея, стоявшей на Юлиан-роуд в миле отсюда. «Вудлэндс» имел два этажа и был весьма просторным, с многоуровневым садом, где Пэм выращивала всякую зелень и огромные подсолнухи. Она жила здесь одна, с тех пор как в канун нового, 1930 года умерла ее подруга Сесилия. Она просто не проснулась. И утром Пэм обнаружила рядом с собой ее холодное тело. Дом принадлежал Сесилии и после ее смерти отошел Пэм, которая не спешила разделить кров с кем-то другим. Она жила на скромные сбережения, которые достались ей от Сесилии, и отработывала четыре смены в неделю в торговом доме «Вулворт», продавая школьницам золотых рыбок, ириски и заколки для волос.

В доме Пэм на каждом подоконнике стояли горшки с цветами – африканская фиалка, бегония, душистая герань. Между горшками россыпью валялись дохлые мухи. Стенные панели были окрашены в зеленые и серые тона. Френсис проследовала за Псом, цокающим когтистыми лапами по паркету в гостиной, прямоком на кухню. Это было ее любимое место в доме – пол выстлан бутовой плиткой, глубокая раковина с вечно капающим медным краном, угольная печь и настенные бра с рифлеными стеклянными плафонами. Год за

годом, бесчисленное множество раз Френсис сидела за выскобленным деревянным столом, уплетая вкусняшки, которые пекла Пэм. Булочки со смородиной, миндальное печенье с кокосовой стружкой или сырны лепешки со сливочным маслом – правда, во время войны масло заменил маргарин. Френсис частенько приводила с собой Вин, и та всегда бывала в полном восторге от этих посещений. Вечно голодная Вин. Как-то летом она прямо объелась – Френсис хорошо помнила тот день: разросшийся ревень, кружащие над цветами буддлеи «красные адмиралы» и Вин, которую тошнило в отхожем месте.

Пэм была на заднем дворе, сражаясь с одним из высоких столбов, между которыми у нее была натянута радиоантенна. Столб завалился на одну сторону, и Френсис, бросив сумку у двери, пошла помочь.

– Не могу эту сволочь воткнуть поглубже, – пробурчала Пэм.

– Давай я попробую, – сказала Френсис и, ухватившись за столб, налегла на него всем весом, чувствуя, как тот стал погружаться в землю.

– То, что нужно, молодчина.

– Я пришла погостить у тебя, Пэм. Если не возражаешь.

– Нет, конечно. Ну как, она успокоилась? Мама твоя?

Френсис молча покачала головой, отряхивая руки.

– Да, для нее это тяжело, но я не виню тебя, что ты остаешься. Пойдем чайник поставим. Давненько у меня не было

гостей, но я помню, что нужно начинать с чая.

Они сидели на террасе, пили чай, когда солнце стало садиться, расцвечивая золотом стелющийся над городом дым. Над террасой же было чистое небо цвета морской волны. Френсис смотрела вниз на извилистый лабиринт городских улиц. Было практически невозможно проследить путь от начала до конца какой-нибудь одной, конкретной улицы, слишком их было много – великое множество домов, стоявших на разных уровнях. Как она сможет отыскать маленького мальчика в этом нагромождении? Непонятно даже, с чего начать. Всего через пару часов ему полагалось принять очередную дозу фенobarбитала, и Френсис не знала, как скоро станет проявляться эффект этого пропуска. Она не находила себе места от нетерпения и отчаянного желания действовать. Кэрис прогнала ее до того, как она успела завести разговор об организации поисков Дэви, но Френсис все же полагала, что искать они будут – Кэрис, миссис Хьюз и юный Фред. И искать, и чувствовать то же отчаяние, что и она.

– Как думаешь, они вернутся? Бомбардировщики, я имею в виду, – спросила Френсис.

Пэм пожала плечами и запрокинула свое некрасивое лицо к небу. Вечерний свет смягчал ее грубые черты.

– Теперь они знают наше точное расположение – вот тебе и светомаскировка. И понимают, что мы беззащитны. Жалкие выродки. – Несколько мгновений Пэм пристально смотрела на Френсис. – Это все кажется такой нелепостью, прав-

да? Я знаю, что следует относиться к этому серьезно, но не могу, потому что мне хочется схватить их за шиворот и сшибить лбами. Вояки чертовы. А ты что будешь делать? Может, останешься со мной и вместе спустимся в подвал?

– Нет. Я должна отправиться на поиски, я знаю, что должна, но... но я не знаю, с чего начать. Скорее всего, он будет искать меня, ведь так? Он пойдет к себе домой или к нам. Я в этом уверена. – Френсис пыталась поверить в свои же слова, силилась представить Дэви живым и здоровым, пусть даже на мгновение.

– Да, возможно, – уклончиво отозвалась Пэм, затем глубоко вздохнула и продолжила: – Странный парнишка, этот Дэви Нойл. Глядя на него, я всегда вспоминала историю, которую рассказывали мне в детстве о сказочном подкидыше – это был получеловек, или полуэльф, или еще какое-то лесное существо. В общем, Мальчик-с-пальчик. – Пэм похлопала себя по коленям, и Пес тут же вскочил на них.

– Да, он странный, поэтому убежал и потерялся, – словно про себя тихо сказала Френсис, думая о том, что Дэви впервые увидел лес, когда она повела его в Смоллкомб-Вэйл. – Он вернется, обязательно. Мне просто надо сделать все, чтобы он нашел меня.

– Так ты что, пойдешь на Холлоуэй? – спросила Пэм, и Френсис кивнула. – А если начнется бомбежка? Ты вернешься сюда или укроешься в подвале родительского дома? Ты должна пообещать мне, Френсис. Если тебя в клочья раз-

несет, обвинят в этом меня.

– Да никто...

– Обвинят меня, и я сама себя буду винить, это так. Ты можешь оставаться здесь сколько захочешь, но если завоют сирены, ты отправишься в убежище. Последнее, чего я хочу, это чтобы у Сьюзен появилась настоящая причина ругать меня всю оставшуюся жизнь. Так ты обещаешь?

– Обещаю.

* * *

Они поужинали сэндвичами с солониной и выпили бутылку пива, затем Френсис позаимствовала у тетки немного спичек и отыскала в чулане под лестницей фонарик. Батарейки в нем оказались севшими. Френсис сунула их в духовку, чтобы хоть как-то реанимировать, а сама пошла переодеваться в теплую одежду. Она чувствовала дискомфорт в желудке, и ее мутило. А Пэм стала возиться со своим радиоприемником, так как ее любимую передачу «И снова он...» невозможно было слушать из-за помех. По крайней мере, думала Френсис, она сразу узнает о приближении бомбардировщиков, так как «магический глазок» ее приемника начинал бешено дергаться, когда в небе появлялся самолет. Френсис спустилась по ступеням на Александра-роуд и направилась в сторону Калтон-роуд, которая вела к Холлоуэй. Она почувствовала себя лучше, так как наконец-то что-то предприни-

мала, двигалась, действовала.

Повсюду цвела сирень; на крышах, распушив перья, толкались голуби. Компания, устроившая воскресный пикник на развалинах, исчезла, оставив после себя лишь гробовую тишину. Френсис подумала: а что, если все ушли и город теперь целиком в ее распоряжении? Гигантская волна одиночества захлестнула ее при мысли, что она осталась совсем одна перед лицом надвигающейся опасности и собственной ужасной ошибки. Но где-то хлопнула дверь, и послышался плач ребенка. Офицер из ополчения прошел мимо, не подавая вида, что заметил ее. Множество людей оставалось за стенами своих домов, и, словно по команде, все они затаили дыхание в надежде спастись. Сердце Френсис учащенно билось, и она почувствовала, что задерживает дыхание вместе со всеми.

– Отправляйтесь домой, милая. Да поживее, – обронил проходивший мимо констебль.

– Я уже дома, – ответила она.

Первым делом Френсис заглянула на задний двор родительского дома, вспомнив, как однажды утром после проливного дождя обнаружила Дэви спрятавшимся в туалете. Кэрис в очередной раз не ночевала дома, есть было нечего, и он отправился искать Френсис. Жизнь уже обучила его, что о нем могут просто забыть, заперев в доме. Но на этот раз ни Дэви, ни следов его пребывания на заднем дворе Френсис не обнаружила и вошла в дом. Внутри было сумрачно, почти темно.

Френсис отыскала в чулане газовую лампу, зажгла ее и принесла на кухню. Поначалу она ничего не увидела и остановилась, внимательно прислушиваясь, – ни звука. И вдруг она заметила, что нижняя дверца кухонного шкафа приоткрыта и с полки снята банка, в которой лежало печенье. Но теперь она была пуста. У Френсис перехватило дыхание.

– Дэви? Дэви! – позвала она; сердце ее учащенно забилось.

Френсис обежала все четыре комнаты, заглянула за двери и под кровати, но Дэви нигде не было. Вернувшись на кухню, она опустилась на колени и, направляя свет лампы на пыльный пол, принялась разглядывать следы. Их было так много, что трудно было понять, кто их оставил и когда. Но на дверце шкафа, возле которой валялась брошенная коробка из-под печенья, виднелась потертость, как будто кто-то пнул ее или пытался карабкаться по ней, а на полу остался единственный маленький и четкий след ноги. Уставившись на него, Френсис замерла и наконец улыбнулась. Он жив – он выбрался из дома Лэндисов и отправился искать ее. Ее охватило чувство облегчения, от которого на мгновение закружилась голова.

Но даже если Дэви и был здесь, то теперь-то его нет. Подавленная безмолвием опустевшего дома, Френсис затушила лампу и выскочила на улицу. Она поспешила вверх по Холлоуэй, напряженно вглядываясь в полумрак, улавливая каждую тень, уверенная, что вот-вот увидит фигуру Дэви. Она

пыталась представить себе, как он сидит на крыльце дома Лэндисов, ступени которого теперь ведут в никуда, сидит, опустив подбородок на колени, и как он взглянет на нее, когда она подойдет к нему. А может, он расположился на подоконнике мастерской сантехника, что напротив, и растерянно таращится на развалины. Маленький и тщедушный не по годам, в потертых штанишках и стоптанных ботиночках без шнурков, он смотрит на окружающий мир своими серыми блестящими глазами цвета мокрого камня. Надежда убеждала Френсис, что ее фантазии – это чистейшей воды реальность. И она была уже почти уверена, что вот-вот увидит Дэви. И когда наконец Френсис добралась до развалин Спрингфилда и его там не оказалась, она была раздавлена. Слезы застили ей глаза, но она быстро справилась с ними. Он был жив, он не погиб с Лэндисами, и у нее есть тому доказательства. Значит, она найдет его. Френсис обшарила все окрестные развалины, расцарапала в кровь ноги, копаясь в обломках, звала Дэви снова и снова. В конце концов она расположилась на подоконнике мастерской сантехника, решив подождать Дэви в течение ночи. На двери мастерской висела наспех нацарапанная вывеска: «Потекла труба? Вставай в очередь!»

Френсис пыталась вести наблюдение, но тридцать шесть часов бдения свинцовой тяжестью навалились ей на глаза. Время от времени она забывалась недолгим сном, уронив голову и прислонившись к сломанной ставне. Сны были быст-

рыми и бессвязными, и, когда взвыла сирена воздушной тревоги, Френсис проснулась окоченевшая и плохо понимающая, где находится. Вокруг была крошечная тьма, и она вспомнила, что забыла фонарик, а батарейки так и лежат в духовке, и Пэм найдет их там, когда весь дом заполнит запах расплавившегося гудрона. Проклиная себя, Френсис соскочила с подоконника. Страх снова зашевелился где-то в глубине ее желудка. Одно дело – идти в темноте по дороге, которую знаешь назубок, и совсем другое – когда эта дорога разворочена воронками и завалена какими-то обломками и битым стеклом. А что говорить про потерявшегося малыша, который только и умеет, что прятаться в укромных местах!

– Черт! – выругалась Френсис, пытаясь собраться с мыслями, но страх брал верх, и ее охватила дрожь.

Уже отчетливо слышался гул приближающихся самолетов. И вскоре он практически заглушал рев сирен.

– Дэви! Ты здесь? – кричала Френсис, карабкаясь по руинам на дрожащих ногах. – Давай выходи, Дэви, – все хорошо!

Но ответа не было. Небо наполнилось гулом, земля вибрировала. Вспышки сигнальных ракет залили небосклон, поглотив звезды, и Френсис увидела черную лавину самолетов, пикирующих на реку. Они двигались так слаженно, так быстро и уверенно, словно стая птиц. Через несколько секунд загрели взрывы. Френсис показалось, что они еще мощнее и оглушительнее, чем вчерашние, и, несмотря на то что она ожидала налета, справиться с ужасом, охватившим ее, это

не помогло. Френсис в панике бросилась вниз по Холлоуэй, помня про обещание, данное Пэм, но мощной взрывной волной ее сбило с ног и швырнуло на землю. Несколько мгновений она лежала, едва дыша, в полуобморочном состоянии. Неподалеку разгорался пожар. Кожей лица Френсис почувствовала его нарастающий жар, а свет пламени позволил ей оглядеться. В этот момент на улицу обрушился град пуль, разбивая вдребезги черепицу на крышах, с пронзительным свистом и треском окатывая каменную мостовую. Вскоре эту какофонию поглотил рев новой партии пикирующих бомбардировщиков. Наэлектризованная страхом, Френсис вскочила и побежала обратно по Холлоуэй. Всполохи пламени плясали у нее перед глазами; она чувствовала, как осколки от мостовой бьют ее по ногам, и ждала, что пуля вот-вот ударит ей в спину.

– Сюда, красотка! Быстрее! – послышался мужской голос.

Френсис кинулась на голос, чьи-то руки подхватили ее и увлекли в темноту большого дверного проема.

– Держись! – подбодрил мужской голос, не выпуская ее из своих объятий.

Френсис поняла, что рядом с ней много таких же людей, ищущих укрытия. Она чувствовала их испуганное дыхание, одобренное терпким запахом табака, и ощущала прикосновения грубой ткани армейской униформы. Какое-то время все стояли в полном молчании, и Френсис старалась выровнять дыхание и унять учащенное сердцебиение. И вдруг поч-

ва под ногами вздыбилась, мгновенно заложило уши, и сверху хлынул поток из земли и обломков; мужчина, придерживающий Френсис, застонал, и она почувствовала, как ослабевают его объятия. Рядом кто-то рухнул, не издав ни звука, и все вокруг заполнил запах крови.

– Сволочи! – раздался чей-то дрожащий возглас. – Будьте вы прокляты!

Френсис не сдвинулась с места, сознавая, что не смогла бы и пальцем пошевелить, если бы и захотела. Она чувствовала, что все ее тело затекло, словно окаменело. Прижавшись спиной к двери, Френсис закрыла глаза. Ей казалось, что время замедлило ход и часы превратились в вечность. Она силилась представить себя совсем в другом месте далеко-далеко отсюда.

* * *

Утром Френсис сидела на кухне у Пэм и пыталась унять дрожь, сотрясавшую ее тело. Состояние было точно такое же, как и после первого налета. Те же ощущения – будто голова существует отдельно от тела; к этому добавился постоянный глухой звон в ушах. Френсис словно блуждала где-то вдали от реальности, не находя в себе сил вернуться. Ее ноги до самых бедер были иссечены мелкими осколками каменной мостовой.

Пэм налила Френсис еще одну чашку чая.

– Ты что же хотела, чтобы тебя ранило? Так, что ли? Пытаешься наказать себя за то, что оставила Дэви с Лэндисами? – допытывалась Пэм.

– Я не знаю. Нет, – оправдывалась Френсис. – Просто я заснула, поджидая его, а потом... потом уже не было времени...

– Чушь какая, – проворчала Пэм.

По всему городу полыхали новые пожарища. А гари и пепла было еще больше, чем после первого налета. Время от времени с разных сторон доносился грохот обваливающихся крыш или рушащихся зданий. Но с крыши «Вудлэндса» не упало ни одной черепицы. У Френсис запершило в горле, и она закашлялась. Любой незначительный шум заставлял ее вздрагивать, хотя она все еще плохо слышала.

– Не знаю даже, что тебе и сказать, Френсис. Слава богу, все обошлось, – вздохнула Пэм. – Если бы Сесилия была здесь, она сообразила бы, как с тобой разговаривать.

– Надеюсь... Надеюсь, что с мамой и папой тоже все хорошо, – отозвалась Френсис.

– И я надеюсь, – с беспокойством сказала Пэм. – Мой брат не промах, найдет себе безопасное место, а твоя мать далеко отсюда, так что за них не стоит слишком беспокоиться. Уверена, Дерек скоро даст о себе знать.

Френсис сделала глоток чая и ощутила привкус пыли. Все вокруг было пропитано пылью.

– Люди, с которыми я была... Они из Глочестерского пол-

ка, – заговорила Френсис. – Они здесь со вчерашнего дня, прибыли на помощь после субботней бомбежки. Тот, который погиб, он... он... – Френсис осеклась и закачала головой.

Она вдруг подумала, что, возможно, погибший был тот, кто заметил ее, позвал и затащил в двери часовни Святой Марии Магдалины, где он укрывался со своими товарищами. Возможно, он спас ей жизнь. Взрыв в саду часовни разметал обломки, оставшиеся еще с предыдущего налета. Но Френсис не задело, так же как и трех других солдат. Лишь один из них получил легкое ранение, тогда как погибшему оторвало голову целиком. Френсис это потрясло. Казалось до абсурда нелепым то, как судьба выбирает свои жертвы. Вид его распростертого на земле тела в лучах восходящего солнца намертво впечатался у нее в памяти. Оно лежало в луже спекшейся крови, темной и липкой. Френсис никогда не думала, что в человеческом теле столько крови. Один из солдат начал плакать; она сжала его плечо и поняла, что старше этого паренька по меньшей мере лет на десять. Значит, настолько же старше и того, который погиб. Френсис почувствовала себя старой и уставшей, а затем ее охватил страх; ей вдруг стало ясно, что судьба страны – да и всего мира – была теперь в руках детей.

– Но Дэви жив – он приходил к нам домой; он искал меня, искал еду!

– Ты и впрямь уверена, что это был он, Френсис? Сейчас

повсюду столько мародеров...

– Это не мародеры! Там был ребенок и искал еду по шкафам. Больше ничего не тронул, не перевернул. Это был он, Пэм, я точно *знаю*. Но... эти бомбежки... Нужно обойти госпитали. И приюты.

– В госпиталях сейчас полный хаос.

– Да я понимаю... Как думаешь, смогу я принять ванну? – спросила Френсис.

– Конечно. Это именно то, что тебе нужно, – согласилась Пэм.

Они поднялись, но тут же остановились, переглянувшись, – снаружи доносились тяжелые, торопливые шаги и учащенное дыхание. Пес поднял голову и зарычал.

– Ой, – встревожилась Пэм и потянулась, чтобы взять Френсис за руку, – это Дерек? Это, должно быть, Дерек.

– Ну, ничего серьезного случиться не могло, – сказала Френсис, стараясь держаться как можно увереннее.

Шаги стихли, и раздался резкий стук в заднюю дверь.

– Да кто там? Входите уже, ради всего святого! – крикнула Пэм.

В кухню робким шагом вошел высокий мужчина – худощавый, не старше сорока лет, темноволосый и небритый. Длинный нос искривлен, в голубых глазах читалась глубокая усталость. Рубашка под мышками промокла от пота, и весь он был в пыли и копоти. Френсис сразу же узнала гостя. Это был Оуэн Хьюз – брат Вин и Кэрис. При виде его у Френсис

сдавило в груди, словно ее легкие переполнились воздухом.

– Я ищу Френсис, – с трудом выговорил Оуэн, пытаясь отдышаться. Его грудь вздымалась, как кузнечные мехи. – Она здесь?

Отгнав мысль, что он мог принести весть о Дэви, Френсис шагнула ему навстречу. Полное спокойствие вдруг овладело ею; такое спокойствие бывает только перед бурей.

– Я здесь, – отозвалась Френсис, видя перед собой одновременно двух человек – взрослого мужчину и долговязого мальчишку, каким он был, когда она с ним познакомилась.

Видно было, как Оуэн внутренне собрался, перевел дыхание, но все еще молчал. Сердце Френсис сорвалось в галоп, так что у нее заломило в груди. Почему-то она сразу поняла, зачем он пришел. Она ждала этого долгие годы.

– Мы нашли ее, Френсис, – выговорил Оуэн, глядя на нее немигающим взглядом. – Мы нашли Вин.

1915

Френсис впервые увидела Бронвин Хьюз, когда ей самой только исполнилось шесть лет. Вин же отставала на пять месяцев. Все внимание Френсис тогда было сосредоточено на пальцах ног – она сжимала их, насколько это позволяло пространство внутри ботинок, и разжимала. От этого пальцы зудели и болели. Процедура напоминала надавливание на си-няк – так же болезненно, но удержаться невозможно. Мать говорила, что это поможет ей не получить обморожения, но к концу дня пальцы все равно становились красными и ужасно пульсировали, когда ее заставляли несколько минут держать их в английской соли перед вечерним чаем. В классной комнате стоял угольный котел и пара больших радиаторов, которые щелкали и шипели, но грели мало. За короткий путь от дома до школы ноги Френсис успевали замерзнуть и мерзли весь оставшийся день, так как влага через ботинки проникала внутрь. Ей надлежало ходить в школу и обратно домой кратчайшим путем, но Френсис нравилось блуждать по извилистой дороге и смотреть на разорванную паутину с раскачивающимися каплями воды, повисшую между перилами. Она дивилась, как корочка льда на луже могла быть такой тонкой, тоньше любого стекла, и совершенно чистой, несмотря на грязную воду. Наблюдала, как нахохлившиеся галки на крышах испускали крошечные облачка пара, когда

кричали.

В школе сильно пахло влажной шерстяной одеждой, мокрыми волосами и сырой древесиной. Их учительница, мисс Бертрам, носила толстый войлочный жакет с шарфом, обмотанным вокруг шеи. Она постоянно рассасывала леденцы для горла «Формамент», из-за чего ее дыхание пахло расолом. Кожа на щеках мисс Бертрам была потрескавшейся, и на кончике носа постоянно выступала капелька, которую она промокала своей манжетой, потому что носовой платок быстро становился влажным. Мисс Бертрам была доброй и немного плаксивой. Мать Френсис рассказывала, что ее жениха отправили на Западный фронт. Френсис знала, что это связано с войной, и представляла себе Западный фронт большим кораблем, на котором собрались братья, кузены и женихи, однажды исчезнувшие с улиц Бата. Френсис также знала, что находиться на кораблях опасно, потому что те могли утонуть. И еще она знала, что у некоторых мужчин, которые возвращались в Бат лечиться, почти не было лиц – они выходили из госпиталей гулять в своих ярко-синих костюмах с забинтованными головами; поэтому Френсис не винила мисс Бертрам в том, что она плачет. Она бы тоже не хотела выходить замуж за мужчину, у которого нет лица.

Френсис сидела на последней парте, рядом с высокими окнами, доходившими до самого потолка. Деревянная столешница ее парты за долгие годы службы была отполирована локтями учащихся и вся перепачкана чернилами. Когда

был урок арифметики, которую Френсис ненавидела, она начинала угадывать фигуры в чернильных пятнах – кит, отпечаток лапы, собака с острыми ушами и малюсенькая человеческая фигура. Френсис понимала, что нужно сосредоточить все свое внимание на уроке. Угроза в любой момент быть вызванной к доске, чтобы решать задачу, приводила ее в ужас; но часто она просто не осознавала, что отвлеклась, пока ей не делали замечания. В тот день Френсис, как обычно, сжимала и разжимала пальцы ног и рассматривала утку на своем столе, у которой даже были лапки в виде небольшой стружки от карандаша, когда раздался стук в дверь и вошла крошечная белокурая девочка. Одежда на ней висела, так как была великовата, ботинки еле держались на ногах, и при ходьбе она шаркала каблуками по полу.

– Ах да! – встрепелась мисс Бертрам. – Девочки, это Бронвин Хьюз, которая теперь будет учиться с нами. Давайте все поздороваемся с ней.

– Доброе утро, Бронвин, – послушно грянули двадцать четыре девичьих голоса, подвывая на слове «утро» и слегка запинаясь на незнакомом имени.

Френсис внимательно ее оглядела – длинные светлые волосы, серые глаза; остановилась на приподнятой верхней губе и отметила для себя, что, хотя новенькая и выглядела младше остальных, на самом деле была их ровесницей. В ее лице читалась какая-то осведомленность и уверенность, что делало ее старше. Она не вздрогнула, не попятилась назад и

не уставилась в пол, как это сделала бы Френсис под взглядом множества любопытных глаз. Бронвин оглядела комнату, оценивая своих новых одноклассниц. Когда мисс Бертрам дотронулась до ее плеча и предложила занять пустующую парту в конце ряда, Бронвин улыбнулась ей, и стало заметно, как сильно верхние зубы выступают вперед. Вид у нее был глуповатый, но почему-то это не лишало ее привлекательности. Затем Бронвин посмотрела прямо на Френсис, заметив, что та внимательно ее рассматривает. Френсис поспешно отвела взгляд и начала теревить потрепанный уголок своей тетради. Ей захотелось быть такой же смелой, как эта новая девочка, – смелой, и красивой, и такой же миниатюрной, а не застенчивой дылдой. Бронвин прошла к своей новой парте быстрой, словно летящей походкой, как будто она в любой момент готова была сорваться на бег.

Днем, когда стало пригревать полуденное солнце и девочки собрались на школьном дворе, вернувшись после домашнего обеда, Бронвин завела с одноклассницами разговор.

– Кстати, все зовут меня Вин, – заявила она тоном, не терпящим возражений.

Как будто не могло быть и речи о том, чтобы ее дразнили или учинили допрос, как это обычно случалось с новичками. Нет, она сама задавала всем вопросы, даже, вернее сказать, выпытывала, насколько строгой бывает мисс Бертрам, использует ли она трость или башмак для наказаний и если да, то как часто. Похвастала, что ее трижды высекли в старой

школе за различные дерзкие выходки и что ей пришлось перейти в другую школу, когда ее папа подрался с директором. Френсис рассчитывала остаться незамеченной. Она стояла в сторонке вместе с несколькими одноклассницами, такими же застенчивыми, как и она, и довольствовалась наблюдением, не принимая участия в разговоре. Но когда прозвенел звонок, означающий, что им пора возвращаться в класс, Вин подошла к Френсис и, задрав подбородок, окинула ее внимательным взглядом – Френсис была выше ее на добрую голову, а ее запястья, лодыжки и колени почти вдвое больше, чем у новоприбывшей.

– Почему ты такая высокая? – спросила Вин.

В этом вопросе не было никакой агрессии, просто интерес. Вблизи Френсис увидела, что уголки рта у Вин были потрескавшимися и воспаленными, ногти сгрызены до крови, а на висках сквозь прозрачную кожу просвечивали голубые вены.

– Я не знаю, – ответила она, нервно сглотнув.

– Ты, наверно, каждый день пьешь капустный отвар? Моя мама говорит, что я должна его пить, чтобы вырасти, но на вкус это такая дрянь, и такой запах... Брр! Так что я его не пью. А ты?

– Я тоже, – солгала Френсис.

Мать Френсис постоянно заставляла ее и брата Кита пить воду, в которой она готовила овощи, предварительно охладив и процедив ее. Френсис закрывала глаза и быстро про-

глатывала эту смесь, но она не собиралась признаваться в этом, после того как Вин назвала это дрянью.

– Ты застенчивая, что ли? Я знала одну застенчивую девочку в моей прошлой школе. Ее звали Бетти, и она плакала, когда ее на уроке заставляли вставать и читать вслух. Ты тоже так делаешь?

– Нет, – сказала Френсис, хотя она много раз уже боролась с подступающими слезами, но, правда, не тогда, когда читала перед классом.

– Хорошо. Я всегда думала, что это очень глупо: плакать из-за подобных пустяков.

Вин снова бросила на нее заинтересованный взгляд, затем пожалала своими худыми плечами и пошла дальше. А у Френсис до конца дня оставалось непонятное, но приятное чувство, будто ее каким-то странным образом оценили и посчитали не такой уж и жалкой.

Понедельник

На следующий день после бомбардировок

Вин лежала ничком, голова повернута в сторону и откинута назад. Поза выглядела очень неестественной, и Френсис боролась со жгучим желанием положить ее удобнее.

– Но ты же не знаешь наверняка, что это она, – твердила Кэрис матери.

Нора Хьюз, с бледным лицом, сидела неподалеку на разрушенной стене. Она сцепила руки перед собой и беспрестанно раскачивала головой. Френсис с удивлением уставилась на Кэрис, услышав от нее такую нелепость. Конечно же, это была Вин! Тот же самый рост, как и тогда, когда Френсис видела ее в последний раз. При жизни – кожа да кости; теперь – только кости. Маленькие хрупкие косточки такого же цвета, что и кирпичная пыль вокруг них, – просто кучка высушенных палочек, по сравнению с которыми череп выглядел слишком большим. Глядя на то место, где раньше было лицо, Френсис почувствовала странную боль в коленях, и ей показалось, что она вот-вот упадет. Она узнала ее неправильный прикус, редкие, выпирающие передние зубы. На месте глаз зияли глубокие черные впадины. На ребрах остались фраг-

менты материи, пальцы были сжаты в кулачки. Длинная золотистая копна волос превратилась в несколько бесцветных прядей, а на одной ноге все еще оставался весь потрескавшийся кожаный ботиночек.

Двадцать четыре года назад второй ботинок был найден в сыром дворе позади лепрозория, и Френсис гадала, куда же он девался. Возможно, миссис Хьюз хранила его или же он остался в полиции. Если это так, то теперь они могли воссоединиться.

– Однозначно нельзя сказать, что это она, – не унималась Кэрис. – Нет уверенности.

– Заткнись! – непроизвольно вырвалось у Френсис.

Ее возглас был едва слышен. Френсис обвела всех взглядом и сказала уже громче:

– Да заткнись же, черт возьми!

Кэрис глянула на нее исподлобья, испуганно и враждебно, а Френсис на мгновение встретилась с Норой взглядом. Горе состарило ее. Жизненные мытарства отпечатались на лице в полной мере, и по выражению глаз было件нятно, что мать опознала останки так же легко, как и Френсис. Сделав глубокий вдох, Френсис огляделась. Дом Хьюзов уцелел, как и дом Кэрис, но вот соседний был полностью разрушен. Воронка, возле которой лежала Вин, находилась на заднем дворе, но теперь трудно было определить, где же скрывалось тело, так как ландшафт вокруг сильно изменился.

– Конечно, это она! – сказала Френсис. – Так и есть.

– Не смей так со мной разговаривать! – закричала Кэрис. – Что ты вообще здесь делаешь? Это тебя не касается! Ты должна искать моего мальчика!

Эти слова подействовали на Френсис как хлесткие удары. Но даже если Кэрис и была права, Френсис не могла сейчас уйти. Она должна была видеть Вин. Спотыкаясь и балансируя руками для равновесия, Френсис приблизилась к скелету. Ей казалось, что почва у нее под ногами ходит ходуном, что можно было сравнить с прогулкой по обломкам кораблекрушения посреди океана. Смотреть на останки Вин было тяжело, но оторваться от них – невозможно. Взрыв, сравнявший с землей большую часть района Бичен-Клифф, разметал и все постройки общего заднего двора – сараи, прачечные и туалеты. И теперь на вершине одной огромной кучи гордо возвышалось велосипедное седло. Где остальные части велосипеда – под грудой обломков или где-то еще, – узнать не было никакой возможности. Но скелет Вин остался невредимым – все косточки были на своем месте. Очевидно, останки не были выброшены взрывом, их просто вскрыло. Они находились здесь все время. Все то долгое время, пока они искали Вин, где только возможно, а она всегда была здесь. Дома. Оуэн стоял над останками сестры, скрестив руки и широко расставив длинные ноги. Френсис подошла и встала рядом. Годы высекли на его щеках небольшие впадинки и расчертили морщинами лоб. Френсис отметила и морщинки смеха вокруг глаз, но вертикальная, пролегающая

между бровями, придавала его лицу растерянное, почти болезненное выражение. И хотя его поза выражала готовность к действию, лицо выдавало смущение, а глаза – нерешительность. Он взглянул на Френсис, когда та встала рядом, и сделал вдох, будто собирался что-то сказать. Френсис почувствовала напряжение, исходящее от него, заметила легкую дрожь, как бывает у животных, готовых к бегству.

– Спасибо, что нашел меня, – сказала она.

– Я подумал, что ты захочешь это увидеть.

– Но что же нам теперь делать? – произнесла Френсис почти машинально, понимая, что он не может этого знать.

– Понятия не имею, – пожал плечами Оуэн. – Есть закурить?

Френсис передала ему сигарету и взяла одну для себя, но потом не смогла отыскать спички, позаимствованные у Пэм. Оуэн махнул рукой и спрятал сигарету в карман рубашки.

– Понимаешь, мы знали, что она мертва. Все, кроме мамы, конечно. – Он глубоко вздохнул и покачал головой. – Мы всё знали. Но... Я думаю, мы должны похоронить ее. Но как? Как быть со всем этим? – Оуэн развел руками, указывая на разруху вокруг. – В похоронном бюро не станут с ней возиться, верно? У них и так там работы хватает. Так что же нам делать, черт возьми?

– Кто-нибудь уже заявил в полицию?

– А что тут делать полиции?

– Я не знаю, – растерялась Френсис. – А ты что, считаешь,

это лишнее?

Она взглянула на него и заметила легкую седину, тронувшую его темные волосы. Ветер взъерошил ему чуб, и волосы упали на глаза. Он смахнул их, так и не взглянув на нее. Со стороны казалось, что он или не хочет, или не может смотреть на Френсис. Она хотела спросить у него еще что-то, но так и не сообразила, что именно. Прошло уже несколько месяцев, как она не имела возможности поговорить с ним, и вот теперь у нее просто не нашлось слов. У Френсис росло чувство, что происходит что-то очень и очень плохое.

Солнце ярко светило на чистом весеннем небосклоне. Люди копались в развалинах, пытаясь спасти хоть какие-нибудь свои пожитки; они напомним Френсис чаек, исследующих берег после отлива. Спустя некоторое время появился изможденный полицейский. Он заговорил с Норой Хьюз, но она лишь безучастно смотрела куда-то вдаль. Ни Билла Хьюза, отца Вин, ни мужа Кэрис, Клива, не было и в помине, впрочем, они вечно отсутствовали. Френсис наблюдала за происходящим, но не слышала разговоров. В конце концов объявились двое пожилых мужчин. Один сделал несколько фотографий останков Вин, затем второй расстелил возле них большой кусок брезента. Сначала Френсис подумала, что они собираются накрыть скелет, но, когда фотограф присел у ног, а второй подошел к черепу, она все поняла.

– Вы не можете просто забрать ее! – закричала Френсис.

Мужчины подскочили, словно их поймали с поличным.

– Так, дамочка, постарайтесь держать себя в руках, – выступил ей навстречу полицейский, явно довольный, что может наконец приступить к привычным обязанностям.

– Миссис Хьюз, скажите им! Вы не можете вот так просто убрать ее! Смотрите, бомба же не выбросила ее, а только открыла! Значит, она была здесь все это время! Прямо на этом месте!

– Что ты говоришь, Френсис! – сказала Нора, покачивая головой. – Пусть они заберут ее... моя бедная Винни... моя несчастная девочка. Да упокоится ее прах.

– Но... разве это не доказательства? Место, где ее нашли, я имею в виду. Разве это не важно?

– Важно? – с горечью переспросила миссис Хьюз. – Она мертва, Френсис! Она была... Она была мертва все эти годы, когда я так надеялась... Я так надеялась, что кто-то ее похитил, понимаешь, и она выросла и живет где-то в другом месте... – Лицо Норы поникло, и она с мучительным стоном повалилась на полицейского, схватившись за сердце.

– Мама! – бросился к ней Оуэн и обнял ее.

– Ну, мы не можем оставить э... ребенка прямо здесь. Это неприемлемо, так ведь? – принялся объяснять полицейский. – А если этой ночью снова будет налет, она же опять может потеряться, верно? – Полицейский кивнул мужчинам, и они осторожно склонились над Вин, готовясь поднять останки.

Френсис зажмурилась, уверенная, что кости ее подруги просто рассыплются в их руках – череп отвалится от шеи, руки потеряют кисти, а ноги выскользнут из таза. Мысли зароились у нее в голове, тесня друг друга, и от этого стала нарастать паника. Френсис понимала, что у нее есть всего несколько секунд, чтобы что-то предпринять, найти правильные слова, а иначе будет снова потеряно что-то очень важное, и теперь уже навсегда.

– Подождите! Пожалуйста, подождите! – закричала она и, спотыкаясь, бросилась к мужчинам, нависшим над останками.

Затем Френсис встала рядом с Вин и посмотрела на север, поверх руин Бичен-Клифф, потом развернулась на сто семьдесят градусов и глянула на юг – на кручу утеса. Вид с этого ракурса был ей знаком.

– Пожалуйста, прежде чем вы ее уберете, сделайте несколько фотографий. С разных сторон – с севера, юга, востока и запада. Так мы точно сможем определить место, где она была захоронена. Пожалуйста. – Френсис с мольбой устремила взгляд на человека с камерой. Тот глянул на полицейского и, получив неохотное одобрение, принялся фотографировать.

Когда он закончил, они переместили останки Вин на брезент. Скелет не рассыпался, лишь в некоторых местах возникли небольшие смещения. Мужчины подняли его без особых усилий, словно кости девочки были легче птичьих. Ко-

гда они уже собирались накрыть останки, Френсис удержала их, махнув рукой. Она чувствовала сильную слабость, и ей не хватало воздуха. Дул легкий ветерок, но Френсис казалось, что он собьет ее с ног. Она опустила взгляд на брезент, и перед ней возникли живые серые глаза Вин, ее быстрая лукавая ухмылка и развевающиеся волосы. Затем желанный призрак исчез, и Френсис уставилась на вязаный узор, уцелевший на остатках ее кофточки, прилипших к ребрам. Она отлично помнила эту кофту – она была горчично-желтого цвета. Вин всегда носила ее с бледно-желтой брошью. Это был ее любимый наряд, и в тот день – в *тот самый* день – больше двадцати лет назад она тоже была в нем. Но теперь он лежал у нее под ногами, и Френсис осознала, что видит свою лучшую подругу в последний раз.

Она склонилась и коснулась руки Вин. Косточки крохотных пальчиков сужались к кончикам. Кости ладоней и запястий все еще держались вместе посредством какой-то субстанции, более крепкой, чем память. Очень осторожно Френсис указательным пальцем коснулась маленькой ручки Вин в том месте, где должна была быть ее теплая и грязная ладошка. Сквозь проступившие слезы Френсис видела, каким огромным казался ее собственный палец – мясистый, с потрескавшейся кожей, узловатый. Даже когда они были детьми, ее пальцы были больше, а пальчики Вин можно было просовывать в замочную скважину и вместо ключа открывать замки. Френсис представила себе все те годы, которые

она прожила, а Вин пропустила; все те вещи, к которым она прикасалась, ощущала их, делала своими руками, а Вин ни к чему не прикасалась, ничего не ощущала и не делала. Была в этом невыносимая несправедливость – ужасная, дикая неправильность.

– Мне жаль, Вин. Прости меня, – непроизвольно прошептала Френсис.

– Идите, идите, барышня, – сухо сказал один из мужчин и начал накрывать останки.

Последнее, что увидела Френсис, – это пустые черные глазницы и щель между верхними передними зубами. Вин так гордилась этими новыми зубами – коренными, как у взрослых. Френсис села прямо там, где стояла. Ветер высушил слезы на ее лице, а она все сидела, не понимая, что делать дальше. Спустя некоторое время к ней подошел Оуэн и поднял на ноги. Неподалеку полицейский беседовал с репортером местной газеты.

– Эта находка приоткрыла завесу над тайной, которая не давала покоя нашему городу. Я уверен, что многие жители Бата помнят поиски малютки Бронвин Хьюз; некоторые, возможно, и сами участвовали в этих поисках. Что ж, это печальный финал старой истории, но, может быть, он наконец принесет семье хоть какое-то утешение.

– Да, несомненно, – закивал репортер, что-то быстро записывая. – А место проживания девочки – разве его не обыскивала полиция после ее исчезновения?

– Конечно обыскивала, – с обидой в голосе ответил офицер. – Уверяю вас, заглянули под каждый камень.

– Что? – встряла в разговор Френсис. Воспоминания о каком-то сумрачном месте замелькали у нее перед глазами – редкие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь щели, запах отсыревших каменных стен и гнилой древесины. Она часто заморгала, пытаясь избавиться от видений. – Что вы только что сказали? – переспросила Френсис.

Репортер оторвался от своих записей и окинул ее быстрым оценивающим взглядом.

– «Заглянули под каждый камень», – процитировал он полицейского. – Вы помните этот случай, мадам? Не хотите поделиться?

– Да, – неуверенно отозвалась Френсис.

Сумрачное отсыревшее помещение вновь возникло в отдаленных уголках ее сознания. Ее воспоминания о том лете представлялись ей темными водами, в которых некоторые события бесследно исчезли, тогда как другие плавали на поверхности и виделись на удивление ярко и отчетливо. Поверхность вод была ровной, блестящей, непроглядной. И чем глубже пыталась заглянуть Френсис, тем более неясными и путаными становились образы прошлого. Но фраза полицейского всколыхнула ее память.

– Да, я помню, – сказала Френсис.

– Что вы можете сказать по поводу того, что пропавшая нашлась спустя столько лет? – подступил репортер. – При-

чем с помощью немецкой бомбы. Нет ли в этом своего рода иронии?

– Все это время она была дома, – сказала Френсис.

– Что ты тут ему рассказываешь? – вмешалась Кэрис, внезапно появившись рядом с Френсис. – Нечего тут болтать о нас с незнакомцами! – проворчала она, бросив на Френсис свирепый взгляд, затем обратилась к мужчинам: – Почему бы вам обоим не убраться отсюда? Я только что уложила мать в постель – ее чуть не добила вся эта шумиха. У моего дома нет крыши, один мой мальчик пропал, а второму мне нужно найти ночлег. У меня нет времени стоять и трепаться с вами, тем более что и говорить-то не о чем. Мы нашли мою сестру, и теперь можем ее похоронить. Вот и все.

– Так вы сестра Бронвин Хьюз? А позвольте узнать ваше имя? – Карандаш репортера навис над блокнотом.

– Убирайтесь! – процедила сквозь стиснутые зубы Кэрис.

– Полегче, Кэрис, – вступился Оуэн. – Они делают свою работу, в конце концов.

– А мы что, нет?

– Кэрис Хьюз, так?

– Нет, черт возьми, не так! – огрызнулась Кэрис.

– Она была на заднем дворе, – сказала Френсис так тихо, что, похоже, Кэрис не расслышала. – Мы искали ее повсюду. Повсюду. А она была на заднем дворе.

– Я так понимаю, никому и в голову не пришло искать ее здесь, – стал рассуждать репортер. – Так что для негодяя это

было идеальное место для сокрытия своего преступления.

– Но... Вы что, не понимаете? – пыталась подыскать слова Френсис.

– Не суйся не в свое дело, – снова подступила Кэрис, тыча пальцем в грудь Френсис. – Слышишь? Ты и так уже достаточно дров наломала. Или тебе этого мало? Лучше бы занялась поисками моего мальчика, вместо того чтобы попусту тут болтаться.

– Что? – вмешался Оуэн, глядя на сестру, а потом перевел взгляд на Френсис. – Какого мальчика?

– Дэви, – прошептала Френсис судорожно. – Я потеряла Дэви.

– Френсис, – встрял репортер с легкой улыбкой. – А позвольте узнать вашу фамилию?

– Идем, – сказал Оуэн, подхватив Френсис под локоть, и затем обратился к репортеру: – Мы все тут просто в шоке.

Френсис погрузилась в себя, пытаясь ухватить выплывшие из глубин памяти воспоминания.

– Они ошибались... Мы *все* ошибались, – заговорила она, путаясь в мыслях. – Господи, все это было ошибкой! – выкрикнула Френсис, в то время как Оуэн увлекал ее прочь.

Когда они пришли в «Вудлэндс», Оуэн, сидя на кухне, рассказал Пэм о случившемся. Френсис была благодарна ему за то, что он избавил ее от необходимости сделать это самой. Она смотрела в окно, наблюдая, как облака затягивали небо, притушевывая мир.

– Конечно, ты расстроилась, – выслушав Оуэна, сказала Пэм и погладила Френсис по руке. – Кто бы не расстроился? Чего нам только не хватало сейчас, так это беречь старые раны.

– Да дело не в этом, – заговорила Френсис. – Не только в этом... Конечно, было ужасно видеть ее... И все, конечно, вернулось... Но ведь все это время она была там... – Френсис осеклась и замотала головой.

– И что из этого? – удивилась Пэм, но Френсис ничего не ответила. – Я вот что хотела сказать, – встрепенулась Пэм. – Отец твой забегал перехватить чашечку чая. С ним все в порядке, он провел ночь в Беар-Флэт – ни одной царапины, правда засыпает на ходу.

– Ох, слава богу! А мама?

– Да, он бегал проведать ее, она тоже в порядке.

– Хорошо. Это хорошо.

– А что случилось с Дэви? – спросил Оуэн.

Френсис глянула на него, и сердце ее сжалось.

– Я оставлю вас вдвоем, – тихо сказала Пэм. – Пора выгулять Пса, – добавила она, надевая пальто.

– Я взялась присмотреть за ним, Оуэн, – начала Френсис. – Кэрис привела его ко мне днем в субботу. Но я... Мне нужно было побыть одной. И когда она не пришла за ним вечером, я отвела его к Лэндисам.

Она рассказала ему о бомбе, угодившей прямо в дом Лэндисов в Спрингфилде, об их смерти и о том, что Дэви – его

племянник – пропал. Оуэн глубоко вздохнул, плечи его поникли, пыльной рукой он тер глаза.

– Господи, – пробормотал он. – Вот бедалага-то.

– Но он жив. Я вчера видела его следы в доме у родителей, он взял там печенье. Я найду его! – горячо заверила Френсис.

– Так, а во время вчерашней бомбежки он что, был на улице? Где-то возле дома?

– Я... Я не знаю.

– Кэрис ничего мне не говорила, – печально сказал Оуэн, слишком уставший, чтобы сердиться. – Почему ты уверена, что в доме твоих стариков был именно он?

– А кто еще это мог быть? Кто еще мог знать, где искать печенье? Я видела его следы... Если он... погиб... в подвале вместе с Лэндисами, мы бы нашли его. Он убежал, я в этом уверена, и я найду его.

– Френсис...

– Кэрис так... Она так... плакала. Я никогда не видела ее плачущей. – Френсис тяжело вздохнула. – Она плакала, когда пропала Вин? Я что-то не припомню.

– Я тоже, – помрачнел Оуэн и на мгновение задумался. – Не позволяй ей... Не позволяй ей винить в этом тебя, слышишь?

– Но ведь я виновата.

– Она помогает тебе искать его?

– Нет. То есть... Она, должно быть, сама его ищет. Она с Фредом. Но не со мной.

– Я был там весь день, помогал приводить в порядок родительский дом. Все это время она тоже была там и никого не искала. Она даже словом не обмолвилась о Дэви.

Френсис с недоумением уставилась на Оуэна.

– Ну... Должно быть, она Фреда послала.

Оуэн промолчал. Хмурый, он сидел за столом, вытянув перед собой руки и сцепив их в один кулак, лишь большие пальцы нервно терлись друг о друга. Рубашка на нем была порвана и испачкана, большая часть пуговиц отсутствовала, а края подтяжек, как заметила Френсис, истрепались.

– Я помогу тебе, – наконец заговорил Оуэн. – Мне нужно кое-что починить дома, но я сначала помогу тебе. Вот бедняга.

– Спасибо. Спасибо тебе, Оуэн, – поблагодарила Френсис, в ней вдруг проснулась надежда, и теперь она уже не чувствовала себя такой одинокой. – Он ведь пропустил прием лекарств уже два раза. У него может случиться приступ, и он совсем потеряет ориентацию или поранится...

– Может, и не случится... ну, не так быстро. – Голос Оуэна прозвучал совсем неуверенно. – Я обрадовался, когда узнал, что ты стала его забирать. Нянчилась с ним. Спасибо тебе. Я знал, что сестра ничего тебе не платит, что бы она там ни говорила. Правда, я был просто счастлив, что ты присматриваешь за ним.

– Ну, я не очень хорошо с этим справилась, так ведь? Просто ужас... – Френсис уронила голову в ладони, раздавлен-

ная воспоминаниями о тех последних часах, когда Дэви спал у нее на коленях; его ребра прижимались к ее боку, он зевал, и она ощущала его тепло и его тяжесть. – Он не хотел идти к ним, – сказала она еле слышно. – Хотел остаться со мной. Если бы я только была дома вчера, когда он приходил поискать еды.

– Ладно, хватит об этом, – оборвал ее Оуэн. – Ты не могла предугадать, что должно было случиться. А самоистязанием ему точно не поможешь.

– Ты прямо как Пэм.

– Ну, у твоей тетушки всегда была голова на плечах.

– Ладно, я, пожалуй, приготовлю нам чай.

Когда чай был готов, они прихватили свои чашки и вышли во двор, расположились на скамейке и некоторое время сидели в полной тишине. Френсис была настолько потрясена, увидев останки Вин, что до сих пор не могла прийти в себя и сосредоточиться на происходящем. Боль двух потерь – Вин и теперь Дэви – слилась воедино, перевернув все с ног на голову. Она чувствовала, что есть нечто важное и в то же время пугающее, что прячется за границами ее понимания; но как только она силилась постичь это, ее накрывало плотное облако вины. Вины за ужасное, непростительное предательство.

– Не могу смотреть на этот хаос, который они сотворили, – прервал молчание Оуэн. – Столько домов разрушено.

– Ты ж понимаешь, что это значит, да? – вдруг спросила

Френсис.

– Что? – переспросил Оуэн с недоумением.

– Ну, где ее нашли. Вин... Место, где она лежала все это время. Ты ж понимаешь, что это значит? – продолжала допытываться Френсис.

Оуэн молчал.

– Пожалуйста, скажи хоть что-нибудь.

Оуэн бросил на нее быстрый взгляд и тут же перевел его на щербатый оскал городской панорамы. Он не ответил, но она успела заметить боль в его взгляде. Сжатые челюсти выдавали его внутреннюю борьбу. Френсис судорожно вздохнула.

– Иоганнес не убивал ее! Это был не он! – выпалила она. – Он... Он заплатил за преступление, но он не виновен. Они повесили не того человека, и я... Я помогла им в этом!

– Ты не можешь знать этого, Френсис...

– Могу! Я точно знаю. Он никогда не выходил на улицу, он был очень напуган. И еще он... Он ведь не знал, где она живет, – как бы он смог захоронить ее там? В любом случае он был не такой – он бы просто не смог.

– Неизвестно, на что способен человек. Слишком давно это было, чтобы сейчас...

– Кто бы ни убил ее, он избежал наказания, – продолжала Френсис. – Он до сих пор не наказан! А бедный Иоганнес... О боже...

Оуэн все это время пристально смотрел на Френсис, и по

его глазам она поняла, в каком смятении его мысли.

– Послушай, Френсис, – совладав с собой, заговорил Оуэн, – исчезновение Вин тогда было ужасной трагедией. И то, что происходит сейчас, несколько не лучше. Но пойми – мы же не знаем точно, что с ней тогда произошло, и сейчас мы не можем ничего исправить. Просто не можем, Френсис. Я понимаю, обнаружение тела все всколыхнуло, но уже слишком поздно. А вот Дэви... Дэви мы можем помочь. Мы должны попытаться найти его и вернуть домой.

– Да, – прошептала Френсис, едва сдерживая подступившие слезы. – Я должна отыскать его.

Оуэн кивнул, выражая свое согласие, но Френсис показалось, что он все еще чем-то встревожен.

– Давай допивай – и за дело.

Остаток дня они провели, обходя церкви, центры временного содержания и благотворительные учреждения – все те места, где можно было узнать о потерянных детях, которые подходили под описание Дэви. После двух ночных налетов нельзя было гарантировать, что третьего не будет, и люди продолжали покидать город. Везде, куда они приходили, их встречала примерно одна и та же картина полнейшего хаоса – измученные, безучастные служащие, ходячие раненые, дети с перепачканными и расцарапанными лицами, плачущие от усталости или спящие мертвым сном где попало – под столами и стульями. Но потерявшихся детей не было, и никто ничего не знал о Дэви. После каждого безрезультатного

татного посещения Френсис все больше погружалась в уныние. В одном месте сестра, облаченная в длинный серый халат, заметив рану на голове Френсис, сказала, что ее следовало бы зашить. Она не соглашалась отпустить Френсис, пока не промочит порез и не наложит повязку. Оуэн безропотно ждал, пока сестра делала свое дело, и Френсис была рада, что он рядом. Благодарна за его уравновешенность и спокойную доброжелательность, которой он всегда отличался, даже когда они были совсем маленькие, когда она была всего лишь застенчивой неприметной подружкой его младшей сестры. Позже, будучи подростком, она мечтала, чтобы он обратил на нее внимание; и было время, когда ей казалось, что он заинтересовался ею, но потом все как-то расстроилось. И даже сейчас, когда им обоим было за тридцать, она замечала, что ее радует, когда он рядом, и сердце ее смягчалось.

На исходе дня Оуэн предложил вернуться, чтобы еще раз, на всякий случай, заглянуть в дом родителей Френсис.

– Выглядишь измученной... Останешься у Пэм?

Френсис молча кивнула. Усталость сковывала ей ноги и затуманивала мысли; в какой-то мере это было из-за недосыпа, но по большей части из-за разочарования, которое она пережила в ходе поисков Дэви.

– Как думаешь, мы должны... может, мне стоит осмотреть... морг? – с усилием выговорила Френсис. – Что, если во время бомбардировки этой ночью... вдруг он... Я слышала, что всех, кого нашли на Холлоуэй, поместили в склепе

церкви Святого Марка.

Френсис представила себе Лэндисов и Хинкли, лежащих, возможно, рядом в темном склепе, окоченевших, на холодном каменном полу. Она вспомнила солдата, погибшего рядом с ней в часовне Магдалины, вспомнила лужу крови рядом с ним и содрогнулась. Оуэн медлил с ответом. Они шли бок о бок по направлению к Бичен-Клифф. Оуэн собирался проведать мать, прежде чем отправиться домой. Откашлявшись, Оуэн твердо сказал:

– Я утром схожу, схожу сам. Ты со мной не пойдешь. Слышишь?

– Да, – ответила Френсис с облегчением и благодарностью.

– Завтра я приду за тобой. Ну, если мы все еще будем на этом свете, – сказал он с горькой ухмылкой. – Береги себя.

– Спасибо тебе, Оуэн. Спасибо, что помогаешь мне, – проговорила Френсис.

– Если он где-то поблизости, мы найдем его.

– Но уже не сегодня, – тихо ответила Френсис.

Этой ночью Дэви вновь будет предоставлен самому себе, где бы он ни был. Френсис зажмурилась и увидела его лицо с мягкими чертами и рассеянным взглядом; на его лице всегда была странная безмятежность, что придавало его облику какую-то эфемерность, и это порой очень тревожило Френсис. Когда эта тревога достигала пика, она крепко прижимала Дэви к себе, чтобы ощутить его тело, его тепло и ровное

биение сердца. Это помогало ей убедить себя, что он из плоти и крови и не может просто исчезнуть. И все же это случилось, и она была тому причиной.

Изнывая от усталости, Френсис задержалась на время возле старого дома Вин. Она думала о лицах и о том, как они меняются со временем. Бронвин Хьюз умерла двадцать четыре года назад, но Френсис сразу узнала ее. Если Дэви сейчас не найдется и она снова увидит его спустя двадцать четыре года, узнает ли она и его? Будет ли это так же, как с Оуэном, когда на его повзрослевшем, возмужавшем лице отчетливо проступали знакомые с детства черты? Или же это будет как с Вин – жалкие останки, но все же, несомненно, ее? Затем она представила совсем другое лицо – мальчишечье, хотя тогда ей, восьмилетней, оно казалось взрослым. Лишь теперь, повзрослев, она осознала, что он был совсем юнцом. Этот мальчишка, которого она сейчас вспомнила, с лицом, полным страха, долгие годы преследовал ее во сне, будоража такой ворох противоречивых чувств, что, очнувшись ото сна, она ощущала себя совершенно обессиленной.

«Иоганнес», – прошептала Френсис. Вчера она разобралась в своих чувствах: это были горе и стыд – и сокрушающее понимание того, что содеянного уже не исправить. Но тогда она никак не могла докопаться до причин этих чувств, и вот сейчас она думала об Иоганнесе. Она вспоминала его мягкость и пугливость, перебирала в памяти свои слова и поступки, спрашивая себя, здесь ли кроется причина. У нее

закружилась голова и сердце сбилось со своего ритма, то замедляясь, то вновь ускоряясь, словно пыталось наверстать упущенное. И снова вспомнились ей слова полицейского – «Заглянули под каждый камень», и снова стали всплывать из глубин памяти картины сырого и темного помещения, освещенного лишь косыми лучами солнечного света, пробивающегося сквозь редкие щели. За этими картинами скрывалось то, что она видела там тогда, очень давно, но не понимала.

Начало темнеть. Западная часть небосклона окрасилась в розовато-серые тона, восточная погрузилась в темно-синий сумрак, сквозь который пробивались слабые проблески звезд. У Френсис было такое ощущение, что минули сотни лет с тех пор, когда она виделась с родителями, но не прошло и пяти минут, как они с Вин стояли перед лепрозорием, собираясь с духом, чтобы зайти внутрь. «Тише, сестренки!» Френсис вздрогнула, и слезы залили ей лицо. Второй раз за день она отчаянно молила о прощении того, кто уже никогда не мог услышать ее. «О Иоганнес! Мне так жаль...»

1916–1917

Весной сады Магдалины имели свой неповторимый запах, исходящий от цветущих лавров с рассыпанной под ними мульчей, к которому примешивалось зловоние сточных канав с задворков Спрингфилда. Люди там вечно болели. Брату Френсис, Киту, было десять лет, и у него никогда не было времени на сестру, которой было всего шесть с половиной. Он часто бросал ее в садах, убегая с друзьями по своим делам. Мальчишки пробирались на железную дорогу в Бругам-Хейс и укладывали фартинги на рельсы в надежде, что проезжающие поезда расплющат их до полпенни. Правда, это никогда не срабатывало, но зато было весело. Френсис нравилось играть одной, и в те дни она воображала себя оленем. На прошлой неделе она видела его в садах, одинокого и напуганного. Девочка наблюдала, как он нерешительно шел в тени деревьев, пока не появилась женщина с плачущим младенцем и не заставила его поспешно ретироваться по склону Бичен-Клифф. Френсис была самой высокой в своем классе, за что ее часто дразнили, а мать даже называла ее каланчой. Так что ей нравилось играть в оленя – двигаться осторожно и бесшумно и прятаться в подлеске с мокрицами и монетными пауками, наблюдая из укрытия за людьми. Тогда-то и появилась Бронвин Хьюз.

– Ты что здесь делаешь? – громко спросила она.

У Френсис не было возможности взбежать по склону и скрыться, как это проделал бы олень.

– Я была оленем, – неохотно сказала она, опасаясь, что Вин посчитает ее игру глупой.

– Одна?

– Мой брат ушел с друзьями.

– Мой тоже так делает. В основном чтобы в футбол поиграть. У меня еще есть сестры, но Кэрис уже взрослая, а Энни слишком маленькая. Она еще ребенок.

Видно было, что Вин чего-то ожидает, но Френсис не могла понять, чего именно.

– Я могла бы поиграть с тобой в твою игру. Если хочешь, – небрежно предложила Вин, словно ей было все равно.

Френсис кивнула, раздумывая над тем, что, вообще-то, игра с другими девочками обычно требует больше усилий и не так увлекательна, как игра с собой. Но с Вин оказалось все по-другому. И хотя она изрядно перестроила игру под себя, эти изменения пошли только на пользу. Пока они играли, Френсис украдкой поглядывала на свою новую подругу. Застегнутое на все пуговицы платье явно стирали уже столько раз, что оно выцвело и приобрело какой-то неопределенный оттенок – что-то между зеленым и коричневым. Ее волосы выглядели неопрятными, хотя были аккуратно заплетены в косы. Она часто чесывала затылок и за ушами, и от нее не особенно приятно пахло – вроде как прокисшим черствым хлебом. Но она была очень хорошенькой, особенно ко-

гда улыбалась своей широкой щербатой улыбкой. Говорила в основном Вин, и это, казалось, устраивало их обеих.

– Твоя мама дает тебе денежки на еду? Мы могли бы пойти и купить что-нибудь вкусное, – сказала Вин, когда день уже клонился к вечеру.

– Нет, – призналась Френсис.

При мысли о хрустящих кусочках кляра, целый пакетик которых можно было купить за полпенни в закусочной, у нее потекли слюни.

– Я не должна перекусывать на улице, – объяснила она.

Вин бросила на нее испытующий взгляд.

– Умираю от голода, – сказала она.

– А... – Френсис на мгновение задумалась. – Ну, если мы навестим мою тетю Пэм и Сесилию, то они нальют нам по стакану молока. Хотя на самом деле сейчас еще рано для ужина.

– Да ладно, пошли.

Вин взяла Френсис за руку, показывая, что готова идти в гости. Всю дорогу до «Вудлэндса» она вела себя очень тихо, что озадачило Френсис, ведь Вин явно не была стеснительной. Все стало понятно, когда Френсис побывала в Бичен-Клифф-Плейс, по сравнению с которым «Вудлэндс» показался ее новой подруге совсем иным миром. Вин осмотрела мольберт Сесилии, окинула взглядом цветы в горшках на подоконниках, картины в рамках на стенах и расписные тарелки в буфете. Затем она провела пальцами по краю шел-

кового жакета Сесилии и тут же плюхнулась на пол, чтобы обнять кошку, которая в испуге попятилась от нее.

– Вот видишь! – обратилась Пэм к Сесилии. – Я же говорила, что нам надо было завести собаку. Собака захотела бы поиграть с ребенком.

На что Сесилия только спокойно улыбнулась. Они с Пэм стали жить вместе еще до рождения Френсис. Познакомились, когда Пэм работала кухаркой в родительском доме Сесилии, одной из больших вилл на Линком-Хилл, и они сразу же подружились. «Неразлейвода», – всегда говорила мать Френсис каким-то странным тоном. Сесилия была высокой прелестной женщиной с молочно-белой кожей и дымчатыми волосами. Она необычно выговаривала слова – «будто со сливой во рту», как сказала мать Френсис, – носила длинные прозрачные платья, пила жасминовый чай и рисовала огромные полотна с восходами солнца в голубых, розовых и золотых тонах.

Пэм сразу же догадалась, что Вин отчаянно хочет есть, и без разговоров дала им печенье с молоком. Вскоре и Френсис поняла, что Вин вечно ходит голодная и никогда не знает, когда сможет поесть в следующий раз. Подкрепившись, они вернулись в сады и дождались, пока придет Кит, после чего Вин проводила их до коттеджей Магдалины. Дальше она продолжила свой путь в одиночку по Холлоуэй, прыгая с ноги на ногу. Со стороны ее ноги казались тонкими палочками, а колени напоминали «шишечки» от кровати.

– А где же ты живешь? – крикнул ей вдогонку Кит.

– Бичен-Клифф-Плейс! – отозвалась Вин. – Пока!

– Ну что ж, – сказал Кит, бросив на Френсис осуждающий взгляд, – неудивительно, что от нее пахнет старыми тряпками. У нее, знаешь ли, вши, я видел, как она чешется.

Френсис почувствовала, что должна защитить подругу, но ничего не сказала.

Неловкая ситуация возникла и тогда, когда Вин в первый раз пришла к Френсис в коттеджи Магдалины. Родители Френсис, казалось, были сбиты с толку.

– Очень приятно познакомиться, – сказала Сьюзен Эллиот с улыбкой, сцепив руки на переднике. Ее волосы были заколоты в аккуратный пучок, на ней было добротное с оборками платье и серебряный медальон на шее. Ее руки всегда были чистыми. Дерек Эллиот работал механиком в автомастерской на Уэлс-роуд, обслуживал и ремонтировал все что угодно, от велосипедов до «Хамберетты» или «Форда-Т». От его комбинезона всегда пахло машинным маслом и солидолом, а руки удавалось отмыть лишь по воскресеньям. Дерек тоже широко улыбнулся Вин и пожал ее крошечную ручку.

– Бронвин, не так ли? Очень мило. Это что, ирландское имя?

– Уэлское. Мой отец родом из Уэлса. – На лице Вин отразилась растерянность, когда она посмотрела на отца Френсис. Как будто она никогда раньше не встречала таких, как он.

– А может, шотландское? Звучит немного по-шотландски, – задумчиво произнес Дерек, как будто не слышал Вин.

– Нет, уэлское. Я же сказала, отец из Уэлса, – настаивала она.

– А не может ли оно быть корнуэльским? Или – вот! Я знаю! – Дерек щелкнул пальцами и, хитро прищурившись, спросил: – Ты ведь француженка, так?

На что Вин разразилась смехом.

Затем Вин и Френсис немного поиграли в комнате наверху, которую Френсис делила с Китом.

– Ничего себе, у тебя есть своя кровать! – удивленно произнесла Вин.

Комната была поделена невидимой, но имеющей большое значение пограничной линией; на своей стороне Кит держал любимый конструктор фирмы «Меккано», детскую книжку о воздушных кораблях и потрепанные старые коньки. Там также стоял небольшой сундук, где хранилась его сменная одежда, зимнее пальто и носки, пропахшие камфорой, чтобы отпугивать моль. На стороне Френсис был точно такой же сундук, а также книги, взятые в библиотеке, – «Королева Сильвер-Белл» и «Энн с острова Принца Эдуарда», которые оказались для нее слишком сложными; кроме того, тут был плюшевый мишка и набор щеток и расчесок для волос, подаренный на Рождество Пэм и Сесилией. С внешней стороны все предметы были инкрустированы голубой эмалью и переливались, как павлиньи перья. Они очень понравились

Вин. Она села на край кровати и протянула Френсис одну из щеток.

– Ты будешь моей служанкой и расчешешь мне волосы, – сказала она, – а потом поменяемся местами.

Френсис сделала так, как ей было велено, хотя волосы Вин были такими тонкими, что постоянно путались, и Вин вздрагивала при каждом движении. Но сидела она красиво и чинно, сложив руки на коленях, как фарфоровая кукла.

В следующую субботу Френсис отправилась навестить Вин и обнаружила, что у нее дома все совсем по-другому. Нижняя часть Холлоуэй представляла собой сплошной ряд обшарпанных строений, и к отдельным из них можно было добраться лишь по узким лестничным пролетам. Некоторым домам было несколько сотен лет, они стояли тут еще со времен Гражданской войны. Но большинство зданий являли собой осколки Георгианской и Викторианской эпохи. Единственным источником тепла здесь был камин с тлеющим углем в одной из нижних комнат, а наверху пользовались горячими кирпичами, завернутыми в тряпки и спрятанными под простыни. На порогах стояли ведра с золой, а в теплую погоду по всей округе распространялся запах уборных. Бичен-Клифф-Плейс был своего рода вотчиной семейства Вин. Мистер и миссис Хьюз жили с Вин и ее братом Оуэном в доме номер тридцать четыре; сестра Вин – Кэрис, которая была уже взрослой, – жила в доме номер тридцать три с кухней Клэр и овдовевшей тетей Айви. Другие бабушка и дедушка

Вин жили в семье еще одной тетки совсем рядом – в доме на Парфитт-Билдингс, который находился немного восточнее Бичен-Клифф.

Обмирая от страха, Френсис постучала в дверь. На пороге появилась миссис Хьюз со слюнявым младенцем на руках и окинула Френсис усталым взглядом, отчего та смущенно потупилась.

– Ну давай уже, заходи, – сказала миссис Хьюз.

Отступив в сторону, она придерживала дверь локтем и при этом пыталась вытереть руки о тряпку, в то же время умудряясь не уронить младенца, который, как догадалась Френсис, был младшей сестрой Вин – Энни. В передней комнате было прохладно и темно, несмотря на солнечный день. Вин стояла у камина и помахивала перед собой листом газеты, помогая пламени разгореться. Она раскачивалась из стороны в сторону и тихонько напевала, а когда вошла Френсис, весело улыбнулась. Миссис Хьюз исчезла в задней комнате, не сказав больше ни слова, и, прежде чем Вин успела заговорить, Френсис вздрогнула от мужского голоса.

– Ты никуда не пойдешь, пока огонь не разгорится.

Отец Вин, мистер Хьюз, тяжело опустился в кресло у камина. Массивный и жилистый, он имел, что называется, широкую кость, крупные колени и необъятные плечи, но лишнего жира не было вовсе. Невысокого роста, мистер Хьюз производил впечатление человека огромного. За все то время, что Френсис встречала его, улыбка появлялась на его ли-

це лишь несколько раз, и Френсис никогда не могла понять, почему он улыбается. Его уэльский акцент на слух воспринимался как вовсе чужой язык, и казалось странным, что Вин говорила совершенно обычным образом. Мистер Хьюз был в натальной рубашке, из-под которой выбивались темные пряди волос на груди. Подтяжки, спущенные с плеч, путались вокруг бедер. Вин как-то поведала Френсис, что он работает на пивоварне на Бристольской дороге, грузит бочки в фургоны. В комнате стоял определенно очень специфичный запах, с каким Френсис никогда раньше не сталкивалась, и она подумала, не от мистера ли Хьюза он исходит.

– Огонь вот-вот займется, папа, – сказала Вин, глядя в камин.

И в ее голосе не прозвучало ни малейшего намека на скуку или недовольство. Из задней комнаты показалась голова миссис Хьюз. Она была весьма миловидной, но ее портило несколько тревожных морщинок на лбу.

– Не приставай к отцу, Винни, – сказала она. – У него опять со спиной чертовщина творится. Идите лучше поиграть на улицу.

– Мы не будем приставать, мама. Френсис ведь не пристаёт, правда, Френсис? – спросила Вин, и Френсис покачала головой, не смея ни с кем встречаться взглядом.

Френсис никогда еще не чувствовала себя так неудобно, и ей хотелось поскорее уйти. Но потом она вспомнила, какой смущенной выглядела Вин в коттеджах Магдалины и в «Вуд-

лэндсе», и поняла, что здесь-то ее новая подруга была как рыба в воде. Ее тут любили. Это был ее дом.

Мысль эта вызвала у Френсис странное чувство. Она понимала, что не должна испытывать неприязни к этому дому и к этим людям, но ничего не могла с собой поделать. Она чувствовала себя ужасно неловко и видела, что мистер Хьюз наблюдает за ней и хочет, чтобы она ушла.

А потом в задней комнате заплакала малышка Энни. Вин застыла.

– Вот так! Все получилось, папа, – поспешно сказала она и сорвалась с места. Проходя мимо Френсис, шепнула: – Пора уходить. – Схватила ее за рукав и потащила к двери.

Лишь только дверь за ними закрылась, послышалось недовольное ворчание мистера Хьюза.

– Когда Энни плачет, лучше сразу убираться – это его злит. Он говорит, что задушит ее, но это не всерьез, – объяснила Вин, пожав одним плечом.

Выйдя на улицу, они остановились, чтобы посмотреть на тетю Айви, которая гонялась с метлой по улице за каким-то парнем. С крыльца соседнего дома за ними наблюдала пышная молодая женщина, и на ее губах играла легкая улыбка.

– Это Клайв. Он собирается жениться на Кэрис, моей второй сестре, – сказала Вин, указывая на молодую женщину. – Мама говорит, что он чертовски красивый, и это правда.

– На самом деле это я охочусь за тобой, Айви, – сказал Клайв, хватая Айви за завязки фартука.

– Если я еще раз увижу, как ты лезешь по этой водосточной трубе, я твои кишки пушу на подтяжки, – пригрозила тетка Айви.

– Ох, оставь его в покое, тетя Айви! – подала голос Кэрис. – Мы все знаем, что ты не серьезно.

– Не видать ему тебя как своих ушей, моя девочка, пока не женится, – ответила Айви.

Клайв рассмеялся и напоследок дернул тетку за фартук. У него был прекрасный смех – такой сам по себе заставляет улыбаться других. И Френсис тоже чуть было не улыбнулась, поскольку была рада, что находится вдали от мистера Хьюза. Клайв подмигнул им. Сунул сигарету в зубы и запустил руку в карман. Достав оттуда серебряную монету, Клайв щелчком отправил ее в воздух, поймал в ладонь, затем оценил результат и, пожав плечами, положил монету обратно.

– Все нормально, Винни, – сказал он, слегка кивнув ей. – Все нормально, подружка Винни, – обратился он к Френсис и пошел дальше.

– Ее зовут Френсис! – крикнула ему вслед Вин, подпрыгивая на месте, словно желая, чтобы он получше слышал ее.

– Ну вот и хорошо, Френсис, – сказал Клайв, обернувшись и махнув им рукой.

Затем он помахал Кэрис, послал ей воздушный поцелуй и, чиркнув спичкой, чтобы закурить, отправился восвояси.

– Как только они поженятся, Клайв станет моим братом, – сказала Вин, глядя ему вслед.

– Зятем, – поправил Оуэн, проходя мимо и дергая ее за косу. – Только я буду твоим братом. Причем старшим. А ты всегда будешь меня слушаться.

– Не буду! – крикнула Вин, показав ему язык.

Девочки двинулись дальше, лавируя между повозок на углу Холлоуэй и перепрыгивая через кучки лошадиного навоза. Оказавшись у широкой пристани, где разгружали баржи, они понаблюдали, как рабочий перевозит мешки на сушу в ручной тачке, катая ее по узкой доске, переброшенной через шестиметровый пролет над водой. Девочки радостно кричали каждый раз, когда он покачивался, – и желая, чтобы рабочий упал, и отчаянно боясь, что он упадет. Но этого не случилось. Френсис размышляла, стоит ли ей что-то говорить Вин о ее семье, а также о том, что ей даже не предложили стакан воды, не говоря уж о молоке. Она мучилась вопросом, надо ли лгать, что ей понравилось у Вин дома, хотя на самом деле очень не понравилось. В конце концов ее естественная молчаливость победила. Правда, судя по поведению Вин, та и без слов догадалась о том, что не было сказано.

– А что будет делать твой Кит, когда вырастет? – спросила Вин.

– Не знаю. Думаю, будет механиком, как и отец. Он любит машины.

– Оуэн хочет стать футболистом.

– Но это же не работа.

– Папа тоже так говорит, а Оуэн считает, что это может

быть работой. Клайв – настоящий каменщик. Когда-нибудь он станет владельцем этого бизнеса и будет боссом, и тогда он даст Оуэну нормальную работу. Так мама говорит. А когда Клайв станет боссом, он купит большой дом для себя и Кэрис, и мы будем ходить туда и устраивать пиры с пирогами, каких ты еще никогда не видела. Если ты, конечно, *захочешь* туда прийти, – сказала она, словно все это вопрос лишь времени и она сделала официальное приглашение.

– С удовольствием приду, – сказала Френсис. – Спасибо!

Девочкам еще не исполнилось тогда и семи лет, и никто из них не мог знать, какое роковое значение будут иметь две эти черты. То, что Вин так легко могла создавать свою собственную реальность, и то, что Френсис, будучи от природы очень нерешительной, не могла вовремя высказать свое истинное к этому отношение.

* * *

Вин называла Френсис своей лучшей подругой. У Френсис никогда раньше не было лучшей подруги, и это заставляло ее чувствовать себя иначе – увереннее и как-то более определенно. Раньше она старалась держаться поближе к дому и играла в основном одна. А Вин, наоборот, нравилось сматываться куда-нибудь подальше из Бичен-Клифф, у нее всегда была куча идей и обширные планы. Они отправлялись в Королевский театр посмотреть на шикарную публику, ко-

торая его посещала. Гуляли вдоль канала, рассматривая баржи, и заглядывали в чайную лавку у Глубокого шлюза, потому что продавец там был добрый и порой отдавал им вчерашние булочки или хлебные корки, остававшиеся при приготовлении бутербродов. Вин мечтала о дне своей свадьбы и фантазировала, что она на самом деле является принцессой далекой страны. Она любила животных и готова была подойти к любому зверю, которого они встречали, чтобы его погладить, – даже к сторожевому псу, который рычал и кусался. Ей нравилось устроиться в конце Стэлл-стрит и наблюдать за трамваями и уличным движением – а вдруг какой-нибудь грузовик с чаем «Брук бонд» снова застрянет между трамвайными путями и водитель будет в панике метаться и пыжиться, пытаясь что-то сделать.

Девочки жили в таком районе, где Бат граничил с сельской местностью, и в летние месяцы они частенько отправлялись за город, туда, где Френсис никогда прежде не бывала: вверх по Бичен-Клифф, где строился новый парк и дома были разбросаны по западному склону; затем на Клэвертон-Даун или на Перримид и дальше, дальше, на бескрайний простор. Они гуляли по луговой траве, доходившей до бедер, простирали руки навстречу ветру, который пронесился сквозь кущи каштанов и вязов, и смотрели на далекие пшеничные поля, как они колышутся, словно водная стихия. Их кусали муравьи и жалили пчелы, они ели терпкую черемшу и ежевику. И чем больше времени они проводили вне го-

рода, тем больше знакомые улицы и толпы людей казались Френсис сетью, в которую она угодила, как несчастная рыба. И, вырвавшись на открытое место, где ее никто не видел и никто от нее ничего не ждал, она наконец-то ощущала себя свободной.

Как-то, прогуливаясь вдоль живой изгороди вокруг Смоллкомба и собирая все, что можно было съесть, они повстречали Джо Пэрри.

– Подождите, не ешьте этого! – сказал он, неожиданно показавшись из пролома в изгороди.

Он был старше их, но не такой взрослый, как Оуэн. Темноволосый мальчик со слегка вздернутым носом, одетый в комбинезон. На одной руке у него наперевес лежал дробовик. Френсис молча уставилась на него, но Вин быстро взяла себя в руки.

– Это почему?

– Потому что это бересклет. Ты заболеешь и можешь даже умереть, – обстоятельно разъяснил Джо.

Вин пристально посмотрела на ярко-розовые ягоды в своей руке и отбросила их прочь.

– Мы и не собирались их есть. Мы же не дурочки малолетние, – отважилась высказаться Френсис, на что Джо скептически ухмыльнулся.

– Забавно. А я решил, что очень даже собирались, – сказал он и стал спускаться с холма.

После короткого совещания девочки решили пойти за

ним на некотором расстоянии, чтобы посмотреть, куда он направляется. Так они нашли ферму «Топкомб», и когда Джо увидел, что они прячутся за воротами, то покачал головой и закатил глаза, показывая, насколько они глупы.

– Не понимаю, чего он корчит из себя умника, – прищурившись, сказала Вин.

Френсис пожалала плечами. Она знала, что Вин терпеть не может две вещи: когда ей помогают и когда выясняется, что она была в чем-то не права.

После этого они добавили «Топкомб» к списку мест, где уже побывали, – списку «своих мест». Весной Джо разрешал им гладить ягнят, ловить головастиков в пруду и следить за появлением яиц в курятнике. Иногда его мать угощала их сладким ячменным отваром или яблоками, но она была женщиной суровой, и они никогда не чувствовали с ее стороны особого радушия. Джо был умелым строителем и порой помогал им делать шалаш в лесу рядом с фермой или выкладывать дорожку из камней через грязный ручей, впадавший в Утиный пруд. Однажды он взял их с собой устанавливать ловушки, но, когда в одну попался кролик и его в ней задавило, Вин была потрясена, а Френсис разрыдалась и убежала, назвав Джо тупой деревенщиной. Они обе думали, что кролик будет пойман живым и что они смогут держать его как домашнее животное. Джо учился в школе в Клэвертоне, так что ни брат Френсис Кит, ни Оуэн Хьюз его не знали. Девочкам, по крайней мере Вин, нравилось то, что он был

их секретом и в каком-то смысле принадлежал только им.

Зимой Френсис все время обмораживалась, а у Вин начался кашель, и длился он бесконечно долго, лишая ее последних сил. К тому же Вин тогда голодала, как никогда. В декабре 1917 года Френсис вместе с матерью отправилась за покупками в Уидкомб. Она уже несколько недель копила карманные деньги, чтобы купить Вин подарок, и теперь потратила много времени на его поиски. Френсис хотела подарить подруге что-нибудь «взрослое», потому что больше всего на свете та желала заполучить одежду или какую-нибудь вещицу своей старшей сестры. Наконец, когда терпение матери почти лопнуло и она запахнула воротник пальто у самого горла, чтобы спастись от задувающего ледяного ветра, Френсис нашла брошку на одном из рыночных прилавков. И хотя она была сделана из жести, но зато очень ярко раскрашена. Это была брошь в виде цветка нарцисса, которая, по словам матери, была идеальным подарком для уроженки Уэлса. Желтая краска на лепестках, бледно-зеленая – на длинных заостренных листьях и острая булавка на внутренней стороне.

В канун Рождества Вин пришла к Френсис на чай.

– Хочешь еще, Вин? – сказал Дерек, предлагая ей последний кусочек пирога с мясом, на который та пристально смотрела.

Вин быстро взяла пирог, опасаясь, как бы Дерек не передумал.

– Это нечестно! – возмутился Кит, но Сьюзен осекла его:

– Тебе достаточно, Кит. Завтра ты получишь больше, – многозначительно добавила она.

– Это просто восхитительно, миссис Эллиот, – сказала Вин, откусывая верхушку пирога.

Френсис вспомнила, что точно так же Сесилия часто говорит Пэм, и это ее рассмешило.

– Спасибо, Бронвин, – поблагодарила мама с польщенным видом, что рассмешило Френсис еще больше.

– О господи, простушка-хохотушка, – сказал Кит, закатывая глаза.

Они сделали бумажные гирлянды и повесили их крест-накрест по всей комнате, а в гостиной нарядили маленькую рождественскую елку, установленную в ведро с камнями. На дереве были ленты, свечи и несколько спрятанных в ветвях драгоценных конфет, которые Френсис запретила Вин воровать. Вместо этого она вручила подруге подарок и с восторгом наблюдала, как та, затаив дыхание, развернула сверток с брошью и глаза ее загорелись.

– Френсис, это самый лучший подарок на свете, – сказала Вин, и Френсис всем своим существом почувствовала, что она действительно так считает.

И уже не имело значения, что у Вин не было подарка для Френсис, она ничего и не ожидала, а Вин не нужно было объясняться. У нее не водилось карманных денег, и для нее не существовало походов за покупками в Уидкомб вместе с ма-

терью.

– Ты самая лучшая подруга на свете, – сказала Вин, обнимая Френсис и при этом не отрывая взгляда от броши, приколотой к желтой кофте.

Бледный свет газового фонаря освещал ее волосы, а теплый отблеск огня играл на ее лице. Волосы слегка спутались от постоянных зимних ветров, а щеки обветрились. Ее худенькая грудь вздымалась и опускалась под платьем. И внезапно на Френсис нахлынуло чувство любви, такое сильное, что оно стало почти невыносимым. Вин бывала веселой и грустной, часто скучала и нередко сердилась, но Френсис никогда не видела ее счастливой. И вот теперь она была счастлива – благодаря ей, Френсис. И Френсис решила повторить все это снова, как только сможет. Она, конечно, думала, что у них впереди еще много лет, и не сомневалась, что у нее будет еще много поводов для этого.

Вторник

Второй день после бомбардировок

Когда Френсис проснулась, то долго не могла понять, где она находится. Постепенно, щурясь на яркий проем окна, она стала узнавать гостевую спальню «Вудлэндса»: изъеденное молью одеяло на гагачьем пуху – выцветший артефакт славной жизни Сесилии в ее родительском доме на Линкомб-Хилл, умывальник с вешалкой для полотенца, туалетный столик и пухлый табурет с обивкой розового цвета. Из окна доносились далекие звуки строительных работ, а внизу, на кухне, гремела кастрюлями Пэм, беседуя с Псом, который время от времени гавкал в ответ. Окно было открыто, свежий воздух шевелил занавески и шелестел длинными листьями стоящей на подоконнике лилии. Все это вызывало умиротворение. Именно с этим ассоциировался у Френсис «Вудлэндс» – ощущение чистоты и безмятежности. Такое чувство дает широкая, ласковая тень ветвистого дерева в жаркий день. Или таинственное царство под огромными листьями ревеня в их саду, где она пряталась от всего мира в далеком детстве.

В этот краткий миг пробуждения Френсис казалось, что

ничего не произошло, но как только она встала, то сразу стало ясно, что шум за окном вовсе не от строительных работ – это сносят остатки разрушенных домов, и в воздухе все еще ощущается запах гари. Затем она вспомнила о Дэви, и к ней вернулась душевная боль, а потом и стыд.

Френсис не помнила, как вчера вернулась в «Вудлэндс». Она проснулась в одежде, простыни были перепачканы. Туфли, которые она скинула, по-видимому уже лежа в постели, валялись рядом с кроватью. Подойдя к зеркалу, Френсис сняла с головы повязку, чтобы осмотреть рану, и обнаружила, что волосы слиплись от грязи и торчат в разные стороны. У нее были каштановые, слегка выющиеся волосы, которые давно пора было подстричь. Неожиданно Френсис показалось, что она видит в зеркале совсем другое лицо – светло-карие глаза, мечтательный взгляд, знакомая линия губ, тяжелый подбородок – слишком тяжелый, сокрушалась мама и просила ее отрастить волосы, чтобы немного сгладить этот недостаток. Френсис почти ожидала увидеть эту маленькую девочку, но та исчезла, и Френсис снова узнала себя – со следами прожитых лет, впалыми щеками и мелкими морщинками на лбу. Однако теперь она была почти уверена, что в ней по-прежнему живут чувства той, восьмилетней, Френсис, когда пропала Вин, а Иоганнес был арестован. И эти чувства подсказывали ей, что надо было делать все по-другому, правильнее и лучше, а возможно, чего-то не делать вообще. От таких мыслей Френсис разнервничалась. Ей вдруг

показалось, что за ней то ли следят, то ли она опаздывает по очень важному делу.

Френсис спустилась на кухню, и первое, что бросилось ей в глаза, – покатые плечи Пэм и тесемки ее фартука, туго связанные бантом на широкой талии.

– Вот она, – энергично заговорила Пэм, оглянувшись. – Собственной персоной! Френсис, дорогая, скажи мне, ты собираешься принять ванну перед работой?

– Перед работой?

– Разве по вторникам у тебя нет дневной смены?

Пэм достала из шкафа тарелку, положила на нее тост и добавила грибов:

– Позавтракай. Я испекла хлеб, но масла не будет до конца недели.

От этих слов у Френсис заурчало в животе. Она присела за стол и с жадностью принялась за еду.

– Который час? – спросила Френсис с полным ртом.

– Около одиннадцати, – улыбаясь, ответила Пэм, вытерла руки и села рядом. – Вторник, если ты не помнишь.

– Одиннадцать? – удивилась Френсис.

Пэм настороженно кивнула:

– Ты проспала почти четырнадцать часов. Вернулась вчера чуть живая, несла всякую ерунду.

Улыбка на лице Пэм дрогнула, и Френсис стала лихорадочно соображать, что же она наговорила.

– Неудивительно, что ты такая голодная. И пить наверня-

ка тоже хочешь – поставлю я чайник.

– Четырнадцать часов? Но Дэви... Мне же нужно... – Френсис попыталась встать, но Пэм, протянув руку, остановила ее.

– Тебе нужно было отдохнуть, а теперь ты должна поесть. И никаких возражений.

Френсис повиновалась.

– Так... если я столько проспала, это значит, что... – Френсис вопросительно уставилась на Пэм.

– Бомбежки не было, – подтвердила Пэм. – Даже сирены не включали.

Пэм снова заулыбалась, и Френсис с облегчением вздохнула.

– Значит, все кончилось. Слава богу!

– Ну, бомбить здесь уже практически нечего, я так полагаю. Люди начали потихоньку возвращаться. Так что мы можем смело считать, что на этот раз пронесло. – Пэм села напротив Френсис. – Как ты себя чувствуешь, дорогая?

– Нормально, но я не могу идти на работу, – ответила Френсис, и брови Пэм поползли вверх от удивления.

– Почему? Станция «Грин-Парк» закрыта – вагон перевернулся на мосту в Броэм-Хейс, я слышала, там рельсы разворотило, но зато работает «Спа». Составы ходят, людям нужно как-то перевозить свои пожитки. Мне вон самой нужно съездить в Вулис, но туда можно будет попасть лишь завтра.

– Я должна поискать Дэви по госпиталям. На станции и без меня управятся, ну правда...

– Да, конечно, ты должна искать Дэви. Просто я подумала, что неплохо было бы тебе вернуться... ну, к твоим привычным делам. – Пэм сделала паузу, затем продолжила: – Ладно. Оуэн заглядывал ранним утром. Просил передать тебе, что не нашел его в церкви Святого Марка и что перед работой зайдет еще в больницу скорой помощи, а если захочешь его видеть, то после смены он будет в «Молодом лисе».

– Ох... как же это хорошо! – встрепенулась Френсис, но тут же представила себе Оуэна, шагающего между рядами трупов в церковном склепе. Ему, должно быть, нелегко далось это посещение, ведь он был слишком чувствителен для таких ужасных сцен. Зато теперь они знают, что Дэви нет среди погибших.

– Хорошо, тогда я пойду в «Ройял юнайтед» и проверю там. И лучше мне поторопиться.

Френсис доела тост и залпом выпила свой чай.

– погоди, – остановила ее Пэм.

Помедлив, она придвинула к Френсис свежий номер «Кроникл энд геральд».

– Лучше сначала взгляни на это.

Френсис уставилась на газету.

– Это что, про Вин? – наконец спросила она.

Пэм кивнула и поднялась, чтобы налить себе еще чая. На первой странице было напечатано фото улыбающегося маль-

чика, который держал тарелку с похлебкой. Подпись гласила: «Кеннет Марр, потерявший дом при бомбежке, считает, что еда в столовой просто замечательная. Мы согласны». Френсис стала листать страницы, пропуская фотографии разрушенного города, истории о героизме и мужестве, и лишь на шестой странице ей в глаза бросилось имя Вин. «Человеческие останки, предположительно принадлежавшие пропавшей школьнице из Бата Бронвин Хьюз, найдены спустя двадцать четыре года». У Френсис по коже побежали мурашки. Фото, естественно, не было. В 1918 году только весьма состоятельные родители могли позволить себе фотографировать своих детей. Просто короткая заметка, но витиеватый стиль репортера вывел Френсис из себя.

Преступник, виновный в безвременной смерти маленькой девочки, был казнен за свое злодеяние много лет назад, однако, умирая, он так и не сообщил о местонахождении тела, оставив тем самым неизбывную боль в душе членов семьи. И теперь наконец их милая малютка вернулась домой. Наши злейшие враги, немцы, сами того не ведая, раскрыли трагическую тайну, которая тяготела над городом более двух десятилетий. Но пусть они знают: они могут разрушить наши дома, разметать могилы, однако им не сломить духа жителей нашего города, не поколебать нашей силы и единства.

– И это все? – спросила Френсис, не скрывая скепсиса. – «Милая малютка»? Да она не была «милой»! Она была замечательной, храброй, она...

– Да знаю, знаю, – поспешила успокоить ее Пэм. – Понятно, что репортеришка идиот.

– Здесь ничего не сказано: ни где ее нашли, ни что это значит.

– Сейчас все становится поводом, чтобы проехаться на счет этих треклятых немцев, – со вздохом заметила Пэм. – Даже убийство ребенка.

Френсис с отвращением отшвырнула газету, резко выдохнула, закрыла глаза и сжала двумя пальцами переносицу.

– Миссис Хьюз наверняка вырежет эту заметку и положит в свою коллекцию, – сдерживая слезы, выговорила она. – Ты же помнишь, как она собирала каждое упоминание о Вин. И все, что касалось суда. Вырезала и прятала. Неужели у нее было желание это читать, а потом еще и перечитывать?

– Даже не знаю, – сказала Пэм, снова присаживаясь рядом. – Возможно, ей казалось, что таким образом она как-то участвует... хоть что-то делает. А что еще ей оставалось?

– Мне надо с ней увидеться. Зайду на обратном пути из университетского госпиталя. – Френсис, отодвинув стул от стола, энергично встала.

– Может, сначала примешь ванну? Да и одежду, наверное, следует сменить, – предложила Пэм.

– Хорошо, – согласилась Френсис, – но мне надо спешить.

Френсис не была по другую сторону реки с начала бомбежек. Она пересекла старый железный пешеходный мост под названием Полпенни – такова была цена за проход по нему; теперь в будке таможенника продавали газеты и сигареты. До госпиталя оставалось мили две, но приходилось постоянно менять маршрут: где-то обнаружили неразорвавшуюся бомбу и перекрыли дорогу, а где-то и просто нельзя было пройти из-за завалов. Когда она оказалась на улице, где стекла в окнах остались целы и даже яблони стояли все в цвету, это показалось ей просто невероятным. Рядом с Римскими банями, у которых был открыт Британский ресторан, стояла очередь; судя по запаху, там готовили сегодня тушеное мясо с луком. Женщины с узлами белья тянулись к автобусам, которые были оборудованы временными прачечными. Возле тележек Армии спасения разливали чай. По небу неслись густые облака, и когда они закрывали солнце, то казалось, город вздрагивал, словно от чьей-то тяжелой поступи, и небо таило угрозу.

Сам госпиталь не пострадал, но был переполнен людьми и напряженным гулом – голоса, полные боли и страданий, эхом разносились по коридорам. Белые стены, а на полу разбегающиеся во всех направлениях грязные следы и лишь по уголкам чистые островки. Френсис никогда здесь раньше

не бывала и не знала, как себя вести: можно ли было просто войти, как она это сделала, или же следовало сначала узнать о часах посещения. От мысли, что она может встретить здесь Дэви, у Френсис свело желудок. Некоторое время она простояла у входа, изнывая от неопределенности. Рядом толпа людей осаждала стойку регистрации – каждый старался завладеть вниманием совершенно измотанной служащей. Сестры, быстрые и бойкие, приходили и уходили, увлекая за собой шлейф перепуганных родственников и ходячих раненых. В конце концов Френсис протиснулась в один из коридоров и пошла по указателям, ведущим в детскую палату.

Она ожидала услышать шум – плач, крики, детские голоса, но ее встретила такая тишина, что мурашки по спине побежали. В воздухе резко пахло карболкой вперемешку с мочой, но и сквозь эту адскую смесь явственно проступал запах крови, который, как трудно выводимое пятно, никак не спрятать. Сердце у Френсис гулко застучало. Она медленно вышла не середину палаты, которую не могли скрасить ни бесчисленные плюшевые мишки, ни занавески с рисунками облаков, – детям здесь было не место. Но Дэви, скорее всего, оно показалось бы уютным и чистым. Ведь у него никогда не было плюшевого медведя; однажды она купила ему игрушечную обезьянку, но Кэрис выбросила ее, сказав, что это не ее забота – покупать ему вещи. Френсис очень надеялась увидеть его на одной из этих аккуратных больничных коек с чистой простыней, подоткнутой под мышки, а в руках что-

то, что ему приглянулось, – книжка с картинками или солдатик. Сосредоточившись на кроватях у левой стены, Френсис рассчитывала вернуться через правый ряд. Вот первая кровать, затем вторая, а под простынями маленькие тельца, но не Дэвида. У некоторых детей были раны, перевязанные или заклеенные пластырем, другие казались невредимыми. Кто-то спал, другие глядели в потолок или на стены или выводили пальцами узоры на пододеяльниках; были и такие, которые лежали неподвижно, словно трупы. Один упитанный мальчик с каштановыми волосами словно застыл с закрытыми глазами, обе кисти у него были перебинтованы, повязки напоминали боксерские перчатки. Рядом сидела его мать и вязала – нога на ногу, спина прямая. Она подняла глаза на Френсис, и их взгляды встретились – спина напряглась еще сильнее, и женщина тут же отвернулась. Другая мамаша, наоборот, словно растеклась по стулу, забывшись сном, – голова откинута назад, рот приоткрыт. У ее дочери повязка закрывала глаза, и сквозь бинты проступали красновато-коричневые пятна. Нельзя было понять, спит девочка или нет, она лежала без движений, но это была неподвижность испуганного животного, которое надеялось остаться незамеченным. Френсис осмотрела левый ряд кроватей, затем правый. Потом снова обошла оба ряда и остановилась возле двери в полной растерянности.

– Простите, но вы не можете здесь разгуливать, – послышался чей-то голос.

Это была медсестра – невысокая, худая, с веснушчатым лицом. Уголок одного глаза у нее подергивался от нервного тика, вызванного физическим переутомлением.

– Я... Я искала мальчика... Маленького. Он потерялся.

– Имя? – спросила сестра, достав карандаш и блокнот.

– Миссис Пэрри.

– Нет – имя пациента? Возраст?

– Ой, Дэвид Нойл, шесть лет.

– Нойл? – переспросила сестра, подозрительно глядя на Френсис. – Вы его мать?

– Нет, я... Я его няня.

– Приметы?

Френсис постаралась как можно подробнее описать Дэви, и сестра то поспешно записывала, то, хмурясь, задумывалась.

– Я слышала, что одного ребенка отправили в Бристоль. Неизвестно, кто он, чей, никто не искал его. Сама я его не видела, не могу сказать, Дэвид это или нет... Вы в других палатах не смотрели? Мы не уместили всех детей в одном месте. Конечно, мне не следовало бы посылать вас одну, но, пожалуй, так будет быстрее всего – видит бог, у нас сейчас дел хватает. Если хотите, я позвоню в Бристоль. Каким-то чудом наш телефон все еще работает.

– Да-да, пожалуйста.

Лишь войдя в мужскую палату, Френсис поняла, что Дэви здесь нет. Но на всякий случай она решила все же осмотреть

каждого, невзирая на злые взгляды одних пациентов и игривые подмигивания других. Кроме того, она была переполнена надеждой, что неизвестный ребенок в Бристоле окажется Дэви.

– Я тот, кого ты ищешь, дорогая, – обратился к ней один из раненых, скалясь разбитым ртом. – Он лежал на кровати, соседней с той, возле которой остановилась Френсис. – Можешь обтереть меня губкой.

Френсис ничего не ответила, ее взгляд был прикован к мужчине, что лежал на кровати под номером пять; ей стало вдруг трудно дышать. У пациента была забинтована вся верхняя часть головы и правая сторона лица до щеки. Левая часть лица оставалась открытой и походила на только что сваренную ветчину: она раздулась и лоснилась от какой-то мази, которую нанесли, чтобы увлажнить обожженную кожу. Незабинтованный левый глаз был закрыт, веко опухло и потемнело, напоминая упитанного слизня. Между бинтами на макушке торчали пучки седеющих волос с подпаленными кончиками. Нос чернел ноздрями, словно они были набиты запекшейся кровью, губы мертвенно-бледные. Правая рука забинтована от плеча по самую кисть. Сквозь шум и гам бурлящей вокруг жизни и безмолвие притаившейся смерти Френсис слышала свист его неглубокого, но ровного дыхания.

Она подошла поближе к спинке кровати, где висела табличка с информацией о пациенте. Ее интересовало имя муж-

чины, но когда она прочла – Персиваль Клифтон, то оказалось, что это имя ни о чем ей не говорит. Френсис никогда не слышала о Перси Клифтоне, она была в этом абсолютно уверена. Всмотриваясь в лежащего без сознания мужчину, она терялась в догадках: не ошиблась ли она? Но первоначальное ощущение не исчезло, скорее наоборот, лишь укреплялось. Неприятная дрожь поползла от ступней к коленям. Когда Френсис смотрела на этого человека, то у нее возникало чувство, словно она устремила свой взгляд в бездонную темноту и там, в глубине, уловила – всего лишь уловила – какое-то движение, шевеление чего-то незнакомого. Нечто такое, что лучше было бы оставить в покое. Внезапно в ее памяти всплыли воспоминания – ей жарко и неудобно, пот струится по внутренней стороне согнутых колен, у нее болит голова, и страх, ошеломляющий страх пронизывает все ее существо.

– Миссис Пэрри? – Оклик конопатой медсестры заставил Френсис вздрогнуть.

Сестра стояла рядом с блокнотом и карандашом на изготовку, как воин со щитом и мечом.

– Да? – обернулась Френсис, пытаясь сообразить, что от нее хотят, но, вспомнив о Дэви, она отпрянула от кровати и повернулась спиной к Перси Клифтону.

– Вы выяснили? Это Дэви? – приступила она к сестре, но та уже качала головой.

– Мне жаль, – заговорила она отрывисто, – это была де-

вочка лет трех, ее нашли на Генри-стрит. Имя до сих пор неизвестно.

– Ох, – выдохнула Френсис, чувствуя, как надежда снова тонет под волной очередной неудачи. – А почему «была»?

– Она умерла от полученных ран.

– Господи... А есть... Другие дети из Бата там есть? Имена которых неизвестны, которые могли бы... – Френсис осеклась, так как медсестра снова покачала головой.

Плотно сжав губы, она что-то записывала в свой блокнот, но что именно, Френсис даже не могла предположить. Уголок ее глаза продолжал дергаться, и Френсис подумала, сколько страшных новостей пришлось ей сообщить за последние два дня.

– Что ж, спасибо, что проверили. Понимаете, он должен принимать лекарства. У него припадки – эпилепсия. Сделайте пометку, что он должен принимать таблетки.

– Я отмечу, но в любом случае нам нужно сначала опознать его, прежде чем мы сможем что-то предпринять. На вашем месте я бы снова наведальась к нам. Людей все еще находят, постоянно. Все время кого-нибудь привозят.

– Спасибо. Я приду. Погодите, сестра, – спохватилась Френсис, как только сестра повернулась, чтобы уйти. – Вы знаете... – кивнула она в сторону человека без сознания и запнулась, не зная, как спросить. – Знаете, где нашли этого человека? Что с ним случилось?

– Он из отеля «Регина», – энергично заговорила сестра,

стремясь поскорее уйти. – Рядом со зданием Законодательного собрания. Бомба попала в отель, и от него почти ничего и не осталось. Этот человек один из тех немногих, кому повезло. Большинство, несмотря на сирены, оставались в своих номерах или сидели в баре. Поэтому из-под руин мертвых достали гораздо больше, чем живых. Вы что, знаете его? О нем никто не спрашивал еще.

– Нет, – смутилась Френсис. – Тут это... Нет.

– Хорошо. Что ж, мне пора, – сказала сестра, поджидая, когда Френсис направится к выходу.

Развернувшись, Френсис явно ощущала присутствие Перси Клифтона у себя за спиной. Словно он сверлил ее пристальным взглядом. Это навязчивое, свербящее чувство заставило ее обернуться, чтобы убедиться, что он все там же и без сознания.

* * *

Среди развалин, отдаленно напоминающих прежний Бичен-Клифф, были расчищены тропинки. Часть общей крыши, объединяющей дома тридцать четыре и тридцать три, с которой смело черепицу, была покрыта зеленым брезентом. Остальные уцелевшие дома практически не подавали признаков жизни, лишь из трубы Хьюзов поднималась тонкая струйка дыма. Френсис постучалась, и сердце ее сжалось, когда дверь открыла Кэрис. С годами она словно заматерела,

некогда изящные линии ее фигуры заплыли в бесформенной монолитности постаревшей женщины. Налитые кровью глаза расширились, когда она увидела Френсис.

– Нашла его? – спросила Кэрис, и в ее голосе послышалась надежда. Надежда, которую та тщательно хотела скрыть.

У Френсис перехватило горло, и она замотала головой.

– Нет еще, – наконец с трудом выдавила она.

– Я же сказала, чтобы ты не возвращалась, пока не найдешь его, так? – мгновенно вспыхнула Кэрис, как пламя от прилива воздуха. Так всегда бывало и с ее отцом Биллом Хьюзом.

– Да, знаю. Я только что была в госпитале, но... его там нет. Но я уверена, что он не погиб у Лэндисов – когда я вернулась в дом родителей в воскресенье, я видела там следы... Он точно там был.

– Что за следы?

– Отпечатки ног его размера. Он искал еду по шкафам на кухне и в коробке для печенья. Это точно был он! – Френсис постаралась улыбнуться, но под враждебным взглядом Кэрис у нее это не получилось. – А здесь вы не видели его следов? Как думаешь, он попытался бы вернуться домой или разыскивать тебя?

Сказав это, Френсис спохватилась, сообразив, как это могло прозвучать для Кэрис – ее сын пытался найти Френсис, а не собственную мать. Кэрис молча уставилась на нее.

– Ну да, здесь же такие разрушения... – залепетала Френ-

сис. – Все выглядит совсем по-другому, правда? Это просто... просто сбило бы его с толку. А вы его где искали? Я имею в виду, ты и Фред? Просто чтобы не повторяться, так мы охватим больше мест.

– Я? Нас разбомбили, если ты не заметила. Это тебе следовало бы побеспокоиться, где ты будешь его искать.

– Да, но... – Френсис замялась. – Я в том смысле, есть ли места, где он обычно любил играть? Или прятаться?

Кэрис снова уставилась на Френсис, но та успела уловить тайное смятение, промелькнувшее на ее лице. И когда Кэрис, стиснув зубы, заговорила, было понятно, что она понятия не имеет, где ее сын любит играть.

– Чего тебе надо? Чего ты все спрашиваешь, только время тратишь? Тебе что, делать нечего? Проваливай!

– Я просто... Я хотела поговорить с твоей мамой, – проглотив оскорбления, сказала Френсис.

Кэрис быстро заглянула в дом и заговорила тише:

– А вот она не хочет с тобой разговаривать. Можешь ты хоть когда-нибудь оставить ее в покое? У нее сердце болит с тех пор, как это все началось, и теперь еще это...

– Кэрис? Это кто, Френсис? – донесся голос Норы Хьюз. – Не держи ты ее на пороге.

Кэрис помедлила, но потом нехотя отступила от двери, позволяя Френсис войти.

Френсис не любила заходить в тридцать четвертом доме еще и до исчезновения Вин. Это нежелание сохранилось по

сей день. Их семейное горе было слишком велико, а ей и своих проблем хватало. Кроме того, она терпеть не могла то, что миссис Хьюз неустанно наблюдает за ней на протяжении всех этих лет, жадно отмечая все ее возрастные изменения, потому что верит, что и с Вин происходит то же самое, где бы она ни была.

Френсис собралась с духом и окинула взглядом крохотную комнатку. Она словно застыла во времени – здесь ничего не изменилось. Обои, отклеившиеся от сырости по углам, обширная плантация черной плесени под лестницей, закопченный табачным и угольным дымом потолок. То же зеркало без рамы, с выщербленной амальгамой, висело над камином, те же самые безделушки на каминной полке – несколько фарфоровых наперстков, газовая лампа из меди и жестяная коробочка из-под шоколадных конфет времен коронации принца Георга в 1911 году с его портретом на крышке. Потертые стулья теснились возле крохотного камина, и все та же кружевная портьера болталась на окне.

Возникло такое ощущение, что Вин еще вчера была здесь. У Френсис дрогнули веки, и она почувствовала, что почва уходит у нее из-под ног, словно наяву она увидела хрупкую фигурку с белокурыми волосами, стоящую возле камина, – Вин, как всегда, голодная, но улыбающаяся. Френсис постаралась взять себя в руки, так как в дверях кухни появилась миссис Хьюз, Кэрис же прошмыгнула мимо и заняла позицию возле газовой плиты, оперев руки в бока.

– Рада видеть тебя, Френсис, – сказала Нора, засовывая носовой платок в карман и с трудом продвигаясь вперед.

У нее был артрит обоих тазобедренных суставов, и в сырую погоду она еле двигалась. Домашний халат был весь заляпан, волосы не причесаны, седые локоны торчали в разные стороны, глаза слезились, и она часто моргала. От прежней миссис Хьюз ничего не осталось.

– Как вы, миссис Хьюз?

– Лучше не спрашивай. Билла куда-то занесло, теперь будет переживать, что не застал тебя.

Наступила короткая пауза, и всем троим было ясно, что Биллу Хьюзу будет совершенно наплевать, что он не увиделся с Френсис.

– А как он сам, в порядке? – спросила Френсис, чувствуя себя лицемеркой, изображающей равнодушие.

– Ох... И не сомневайся. С него все как с гуся вода, – ответила Нора.

Френсис не знала, что ей говорить, как стоять. Она чувствовала себя слишком громоздкой для этого места, как будто принадлежала к другому виду людей.

– Надеюсь, я вам не помешала, – сказала Френсис.

– Все в порядке, присаживайся, – заверила ее миссис Хьюз.

Френсис уселась на один из стульев.

– Я так понимаю, ты хотела бы узнать про Вин. Конечно же, мы устроим ей похороны. Вот только пусть эта суматоха

уляжется и всех погибших под бомбами захоронят. Возможно, по такому случаю приедет и наша Энни. Было бы хорошо. Хотя я не думаю, что она и помнит-то ее.

– Конечно не помнит, – из кухни подавала голос Кэрис.

Энни, самая младшая из сестер, выйдя замуж за портного, переехала жить в Абердин. Френсис вовсе не удивляло, что она не часто их навещает.

– В похоронном бюро сказали, что подержат ее у себя; пока мы не будем готовы, она... – Миссис Хьюз заморгала. – Ладно. В любом случае она была бы не против подождать еще немного. Наконец-то нормальные похороны, с хорошим надгробием...

– Да? И как же мы за него расплатимся? – В дверях показалась Кэрис.

Миссис Хьюз так крепко зажмурилась, что стало понятно: мысленно она просит поддержки у Бога.

– Мы что-нибудь придумаем, – устало сказала она.

– Правильно, это же не на починку крыши или обувь моим детям, – проворчала Кэрис.

– У нее будет надгробие, даже если мне самой придется вырубить его на каменоломне! А не как у погибших под бомбами, которых зароят в общей могиле.

– Я могу помочь. Если позволите, – предложила Френсис.

– Спасибо, но мы ее семья, и мы сами справимся, – ответила миссис Хьюз.

– Вы видели заметку в газете? – спросила Френсис, уже не

находя в себе сил сдерживаться.

Нора Хьюз кивнула.

– Ты всегда была настоящей подругой для нее, Френсис, – пробормотала она, блуждая взглядом по комнате, пока не остановилась на окне, сквозь которое пробивался тусклый дневной свет. – Ты не виновата. Вы были совсем маленькие. Вы не понимали, что такое опасность, правда? Теперь, по крайней мере, я буду знать, где она. И теперь уже вопросов нет. И надежды нет. – Это прозвучало так, будто надеяться, что Вин жива, было хуже, чем знать, что она мертва. Возможно, так оно и было.

– А вы... Вы не думаете, что... – начала было Френсис, но Кэрис перебила ее:

– А я вот думаю, что тебе следует искать Дэви, вместо того чтобы торчать тут и беречь старые болячки.

– Я... – смутилась Френсис. – Мне правда очень жаль, что так получилось с Дэви... Я уверена, что найду его. Клянусь, я продолжу поиски. Ведь это же хорошо, что его не оказалось в госпитале? Я имею в виду, что, возможно, он даже и не пострадал.

– Возможно, и нет, – согласилась Нора. – Но где же он тогда? И лекарства свои не принимает. Бедный малыш. Может, он и без царя в голове, но славный...

Кэрис, изобразив еле сдерживаемые рыдания, снова отошла к плите, а Френсис ощутила зарождающуюся тревогу, грозящую перерасти в панику. А что, если она не найдет его?

– По крайней мере, Вин сейчас в надежных руках Господа, – прокашлявшись, заговорила Нора; вид у нее был заметен рассеянный, и, судя по голосу, она не очень верила своим словам. – Моя бабуля всегда повторяла, что в раю есть отдельный уголок, специально для детей, где они могут играть днями напролет и питаться только конфетами и печеньками.

– Да хватит, ради бога! – ворвалась в комнату Кэрис. – Я не могу больше это слышать! Не могу! – Лицо ее побагровело. – Она давно умерла! Больше двадцати лет назад! Мы все уже отгоревали по ней, и теперь у нас хватает других забот, а вы двое ведете себя так, будто это только что случилось. Я должна идти собирать вещи. Мой дом сносят, если хочешь знать, – бросила она в сторону Френсис.

Проществовав обратно в кухню, Кэрис демонстративно хлопнула дверью, но Френсис догадалась, что из дома она не вышла и притаилась за дверью, чтобы иметь возможность все слышать. Миссис Хьюз, поморщившись, прижала ладонь к груди.

– Все нормально? – спросила Френсис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.